

СОВРЕМЕННАЯ И КЛАССИКА

Брет Истон
Эллис

ЛУННЫЙ
ПАРК

«ИНОСТРАНКА»

18+

Брет Эллис

Лунный парк

«Азбука-Аттикус»

2005

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Эллис Б. И.

Лунный парк / Б. И. Эллис — «Азбука-Аттикус», 2005

Представьте себе, что первый ваш роман, написанный в двадцать лет, стал международным бестселлером и символом поколения, а третий, «Американский психопат», вызвал такой скандал, что ваше имя сделалось нарицательным. Представьте себе, что вы наконец женились на голливудской звезде, десять лет назад родившей от вас сына. И можно было бы почивать на лаврах, только теперь вам кажется, что Патрик Бэйтмен восстал со страниц «Американского психопата» и вершит свое кровавое дело в реальном мире, а ваш отец – калифорнийский воротила от недвижимости, послуживший его прообразом, – пытается достучаться до вас из могилы. Но самый кошмар – что ваш сын поглощен лунными пейзажами и никак не идет на сближение. Какими бы ужасными ни показались вам события «Лунного парка», знайте: все это чистая правда, от первого до последнего слова. Содержит нецензурную брань

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Эллис Б. И., 2005
© Азбука-Аттикус, 2005

Содержание

* * *	6
1	6
Четверг, 30 октября	26
2	26
Пятница, 31 октября	41
3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Брет Истон Эллис

Лунный парк

Роберту Мартину Эллису
(1941–1992)

и Майклу Уэйду Каплану
(1974–2004)

Если твоя жизнь постепенно превращается в шоу, значит ты пал жертвой профессиональной болезни, которая в какой-то момент становится неизбежной.

Томас Макгуэйн. Панама

Люди, чье мнение о другом человеке уже сложилось, не склонны менять свои суждения или пересматривать их в связи с новыми обстоятельствами или аргументами, и человек, пытающийся принудить их изменить устоявшееся мнение, как минимум попусту тратит время и может навлечь на себя неприятности.

Джон О'Хара

*Ах, я с таблицы памяти моей
Все суетные записи сотру,
Все книжные слова, все отпечатки,
Что молодость и опыт сберегли.*

Уильям Шекспир. Гамлет (перевод М. Лозинского)

Bret Easton Ellis

LUNAR PARK

Copyright © 2005 by Bret Easton Ellis

All rights reserved

© Д. Симановский, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство Иностранка®

* * *

1

Начала

– Да уж, себя самого ты изображаешь отменно.

Это первая строчка «Лунного парка», ее краткость и простота должны, по идее, отсылать к начальному предложению моего дебютного романа «Ниже нуля».

На улицах Лос-Анджелеса люди боятся слиться с толпой¹.

Потом уже начальные фразы моих романов – вне зависимости от искусности композиции – стали чрезмерно сложными и изощренными, перегруженными бесполезными смысловыми акцентами и деталями.

Мой второй роман, «Правила секса», к примеру, начинался так:

и эта история может наскучить, но слушать ее не обязательно, она рассказала ее, потому что всегда знала, что так оно и будет, и случилось это вроде бы на первом курсе, на самом деле, на выходных, а точнее – в пятницу, в сентябре, в Кэмдене, то есть три или четыре года тому назад, она так напилась, что очутилась в постели, потеряла девственность (довольно поздно, ей было восемнадцать) в комнате Лорны Славин, потому что сама была еще первокурсницей и у нее была соседка, а Лорна была то ли на последнем, то ли на предпоследнем курсе и часто оставалась не в кампусе, а у своего парня, ей же достался типчик, которого она считала второкурсником с кафедры керамики, но на самом деле он был либо с факультета кинематографии Нью-Йоркского университета и приехал в Нью-Гэмпшир разве что на вечеринку «Приоденься и присунь», либо из городских².

Далее – из моего третьего романа «Американский психопат».

«Оставь надежду всяк сюда входящий» – криво выведено кроваво-красными буквами на стене Химического банка на углу Одиннадцатой и Первой. Буквы достаточно крупные, так что их видно с заднего сиденья такси, зажатого в потоке машин, который движется с Уолл-стрит. В тот момент, когда Тимоти Прайс замечает надпись, сбоку подъезжает автобус и реклама мюзикла «Отверженные» у него на борту закрывает обзор, но двадцатилетний Прайс, который работает в Pierce & Pierce, этого, кажется, даже не замечает... Он обещает водителю пять долларов, если тот включит музыку погромче; на радио WYNN играет «Be My Baby», и черный шофер (видно, что он не американец) прибавляет звук³.

А это из четвертого романа – «Гламорама»:

– Крапинки – видите, вся третья панель в крапинках? – нет, не та, вот эта, вторая от пола, – я еще вчера хотел обратить на это ваше внимание, но тут началась фотосессия, поэтому Яки Накамари – или как его там еще, к черту, звать? – но не тот, который *главный*, – принял меня за кого-то другого,

¹ Перевод В. Ярцева.

² Перевод Д. Рогулина, Д. Симановского.

³ Перевод В. Ярцева, Т. Покидаевой.

так что мне не удалось заставить его обратить внимание на этот дефект, но, господа, – дам это, кстати, тоже касается – тем не менее от факта никуда не деться: я вижу *крапинки*, отвратительные маленькие крапинки, и это *не случайность*, потому что выглядят они так, словно это сделано машиной; короче говоря, без подробностей, без всех этих выкрутасов, просто выложите мне всю подноготную, а именно кто, как, когда и почему, хотя, глядя на ваши виноватые лица, у меня складывается отчетливое впечатление, что на последний вопрос ответа я так и не получу, – короче, валяйте, черт побери, я хочу знать, в *чем дело*?⁴

(Сборник рассказов «Информаторы» вышел в перерыве между «Американским психопатом» и «Гламорамой» и большей частью был написан еще в колледже – до публикации «Ниже нуля», – что, соответственно, определило стилистику минимализма.)

Как легко заметит любой читатель, внимательно следящий за моей карьерой, – если, конечно, признать тот факт, что произведения подспудно иллюстрируют внутреннюю жизнь автора, – в определенный момент ситуация вышла из-под контроля и стала, по словам «Нью-Йорк таймс», напоминать нечто «неестественно сложное... раздутое и при этом ничтожное... показушное», с чем я, в общем, не очень-то и спорил. Мне хотелось вернуться к утраченной простоте. Жизнь принесла мне слишком много потрясений, и начальные предложения моих книжек словно отражали мои крушения. Пришло время вернуться к корням, и, хоть я и надеялся, что простое, даже несколько постное предложение – «Да уж, себя самого ты изображаешь отменно» – запустит процесс, в то же время понимал: чтобы прочистить затор из суеты, неразберихи и потерь, который все сгустился вокруг меня, понадобится нечто большее, чем словесный ручеек. Но пусть это будет началом.

В колледже Кэмден в Нью-Гэмпшире я посещал курс писательского мастерства и зимой 1983 года произвел на свет рукопись, из которой получился роман «Ниже нуля». В нем описывались каникулы богатого, социально дезориентированного, сексуально не определившегося юнца, прибывшего в Лос-Анджелес – точнее, в Беверли-Хиллз – из колледжа Восточного побережья, и все вечеринки, которые он посетил, и все наркотики, что употребил, и все девочки и мальчики, с которыми переспал, и все друзья, которые пред его безразличными очами скатывались к наркомании, проституции, равнодушию и безысходности. Его дни проходят под нембуталом в компании прекрасных блондинок в несущихся к модным пляжам сверкающих кабриолетах; ночами он блуждает в VIP-залах модных клубов, нюхая кокаин со стеклянных столиков. То был обвинительный приговор не только известному мне образу жизни, но и – мнилось мне – рейгановским восьмидесятым, и, еще более опосредованно, современной западной цивилизации вообще. Мой преподаватель принял роман благосклонно и после непротивительной правки (я написал его во время восьминедельного амфетаминового марафона на полу своей спальни в Лос-Анджелесе) передал его своему агенту и в издательство, которые согласились заняться рукописью (издательство, правда, неохотно – кто-то из редакционной коллегии заявил: «Если у нас есть аудитория, готовая читать о накокаиненных зомби-хуесосах, тогда, конечно, давайте напечатаем эту хренотень»), после чего со смешанным чувством страха, восхищения и, пожалуй, азарта я наблюдал, как студенческая работа приобрела блестящую твердую обложку, стала мировым бестселлером, приметой времени и отправной точкой новой литературы, была переведена на тридцать языков и переложена в сценарий крупнобюджетной голливудской картины, и все это меньше чем за полтора года. А ранней осенью 1985-го, всего четыре месяца спустя после публикации, одновременно произошли три важных события: я стал обладателем лич-

⁴ Перевод И. Кормильцева.

ного состояния, приобрел бешеную популярность и, что важнее всего, избавился от отцовской опеки.

Большую часть своего состояния отец нажил, спекулируя недвижимостью, самые крупные сделки пришлось на годы рейгановского правления, и свобода, которую он приобрел благодаря деньгам, окончательно выбила его из колеи. Впрочем, с ним всегда было непросто – он был невнимателен, жесток, тщеславен, вспыльчив, крепко пил, страдал паранойей, и даже когда родители по инициативе матери развелись (я был тогда подростком), он продолжал влиять на жизнь нашей семьи (в которую входили еще две младшие сестрички), прежде всего – материально (бесконечные иски адвокатов по взысканию алиментов и пособия на содержание детей). Его целью, его священной обязанностью было сделать нас как можно уязвимее, дабы мы всем телом прочувствовали, что именно нас, а не его поведение нужно винить в том, что он оказался больше нам не нужен. Он со скандалом съехал из нашего дома в Шерман-Оукс, поселился на Ньюпорт-Бич, и ярость его еще долго билась о волнорез нашего мирного южнокалифорнийского житья-бытья: ленивые деньки возле бассейна под беспрестанно ясным небом, бессмысленное шатание по набережным, бесконечные поездки вдоль аллей из покачивающихся пальм, провожавших нас к месту назначения, ни к чему не обязывающие разговоры под саундтрек из «Флитвуд Мэк» и «Иглз» – все естественные преимущества взросления в то время и в том месте были существенно омрачены его незримым присутствием. Наше неспешное существование вялых декадентов не способно было расслабить моего отца. Он навсегда остался заложником безумной ярости, которая бушевала вне зависимости от того, насколько благополучными были внешние обстоятельства. И от этого мир представлял для нас смутную угрозу, причину которой мы не в состоянии были уяснить – карта исчезла, компас разбился, мы заблудились. Я и мои сестры необычайно рано познали темную сторону жизни. Поведение нашего отца показывало, что миру не хватает логики и последовательности, что, находясь внутри этого хаоса, люди обречены на провал, и осознание этого отравляло любые наши устремления. Таким образом, отец был единственной причиной, по которой я поступил в колледж в Нью-Гэмпшире, вместо того чтоб остаться в Лос-Анджелесе со своей девушкой и пойти в Калифорнийский университет, где в конце концов оказалась большая часть моих однокашников из частной школы в предместьях долины Сан-Фернандо. Это было бегство от отчаяния. Но – поздно. Отец уже замарал мое восприятие мира, и его зубоскальство, его сарказм в отношении всего на свете безотчетно прилипли ко мне. Как ни старался я избежать его влияния – ничего у меня не получалось; оно пропитывало меня, формировало, делало из меня мужчину. Те крохи оптимизма, которые у меня еще оставались, истерлись в прах самой его сущностью. Я было полагал, что физическое отсутствие что-то изменит, но затея эта была настолько бессмысленной и жалкой, что первый год в Кэмдене я провел, парализованный страхом, в глубокой депрессии. Больше всего мое негодование вызывал тот факт, что из-за боли, и моральной, и физической, которую причинил мне отец, я и стал писателем. (Между прочим, он и собаку нашу бил.)

Поскольку отец не верил в мои писательские способности, он требовал, чтобы я поступил в бизнес-школу Калифорнийского университета (я недобирал по баллам, но у него были связи), я же хотел подать в колледж, максимально удаленный географически, – школу искусств, чеканил я поверх его рева, в которой бизнес-дисциплины не преподавались. В штате Мэн я так ничего и не нашел и выбрал Кэмден – небольшой гуманитарный колледж, угнездившийся посреди пасторальных холмов Нью-Гэмпшира. Отец, естественно, разъярился и за обучение платить отказался. Зато мой дед, которому на тот момент собственный сын предъявил иск по денежному делу настолько запутанному и сложному, что я так и не уяснил, как и почему все заварилось, выслал необходимую сумму. Я практически не сомневаюсь, что дедушка согласился внести возмутительно высокую плату за мое обучение только потому, что это глубоко задело бы отца, как, собственно, и произошло. Когда я стал посещать занятия в Кэмдене весной 1982 года, с отцом мы уже не разговаривали, что для меня было большим облегчением. Мол-

чание не прерывалось ни одной из сторон, пока в свет не вышло «Ниже нуля». Под влиянием популярности моего романа отцовская неприязнь странным образом мутировала, превратившись в пылкий восторг, что лишь усилило мое к нему отвращение. Создав меня, отец решил, что это не есть хорошо, и стер меня в пыль, а потом, когда я выдумал себя заново и с трудом обрел плоть, он заделался гордым, хвастливым папашей, который затеял снова войти в мою жизнь, и все превращения заняли буквально несколько дней. Обретя независимость, я стал сам себе хозяин, но все равно чувствовал себя побежденным. Я не отвечал на его телефонные звонки и отказывался от любых контактов, но это не приносило удовлетворения, это ничего никому не доказывало. Я выиграл в лотерею, но так и не выбрался из бедности и нужды. И вот я с головой окунулся в новую, раскрывшуюся передо мной жизнь, хотя такой смысленный и пресыщенный парень из Эл-Эй⁵, как я, мог бы уже уяснить, что хорошего в этом мало.

Роман ошибочно приняли за автобиографию (к тому времени я написал уже три автобиографических романа, ни один из которых не был опубликован, так что в «Ниже нуля» было больше художественного вымысла, чем реальных событий и прикрытых псевдонимами персонажей), а основой для самых скандальных сцен (порнофильм с убийством в финале, групповое изнасилование двенадцатилетней девочки, разложившийся труп в узком переулке, убийство в автокинотеатре) послужили не личные переживания, а зловещие слухи, что ходили в компании, с которой я тусовался в Лос-Анджелесе. В прессе, однако, поднялась ужасная шумиха насчет «шокирующего» содержания романа и не менее вызывающего стиля: короткие емкие сцены, описанные в сдержанных выпуклых хайку. Книга получилась короткая и читалась легко («черная конфетка» – эпитет от «Нью-Йорк мэгэзин» – проглатывалась за пару часов), а из-за крупного шрифта (и коротких, не более двух страниц, глав) она (благодаря «Ю-Эс-Эй тудэй») стала известна как «роман для поколения MTV»; все и вся спешили прилепить мне ярлык – голос нового поколения. Тот факт, что мне едва исполнился двадцать один и других голосов еще просто не было, во внимание не принимали. Я был модной штучкой, а размышлять об отсутствии молодых талантов никому не хотелось. Обо мне написали все существующие газеты и журналы, кроме того, меня пригласили в программу «Сегодня» (где беседа длилась рекордные двенадцать минут) и в «Доброе утро, Америка», меня интервьюировали Барбара Уолтерс и Опра Уинфри, я появился у Леттермана; на «Линии огня» мы чрезвычайно живо побеседовали с Уильямом Ф. Бакли. Целую неделю я представлял клипы на MTV. По возвращении в Кэмден я закрутил краткосрочные романы с четырьмя девушками, которые до выхода книги не проявляли к моей персоне особого интереса. Среди гостей на выпускной вечеринке, которую отец закатил в «Карлайле», были Мадонна, Энди Уорхол с Китом Харингом и Жан-Мишелем Баския, Молли Рингуалд, Джон Макэнро, Рональд Рейган-младший, Джон-Джон Кеннеди, весь актерский состав «Огней святого Эльма», всяческие виджеи и члены моего громадного фан-клуба, который организовали пятеро старшекурсников Вассара; освещала событие съемочная группа «20/20». Был также Джей Макинерни, чей дебютный роман «Большой город, яркие огни» о молодых людях и наркотиках в Нью-Йорке, вышедший незадолго до этого, принес ему мгновенную славу и сделал моим ближайшим соперником на Восточном побережье. Некий критик в одной из бесчисленных статей, сравнивающих два романа, написал, что если заменить слово «кокаин» на «шоколад», то «Ниже нуля» и «Большой город, яркие огни» можно было бы продавать в отделе «Книги для детей». Нас так часто фотографировали вместе, что публика уже не понимала, кто есть кто, и для простоты нью-йоркская пресса окрестила нас «ядовитыми близнецами». Получив диплом, я переехал в Нью-Йорк и купил квартиру в доме, где жили Шер и Том Круз, в одном квартале от Юнион-сквер-парк. И пока реальный мир про-

⁵ Лос-Анджелес.

должал испаряться из моей действительности, я стал основателем некой общности, которую называли «литературным олимпом молодых».

ЛОМ, в сущности, был компанией, созданной усилиями массмедиа: бесконечное позерство, все показное – блеск, распушенность, угрозы. Состояла она из группы молодых писателей и издателей до тридцати, которые попросту тусовались вместе, проводя вечера в «Нелль», или в «Туннеле», или в «МК», или в «О-баре», и нью-йоркская пресса, а за ней и национальная, и международная впадали в восторг на грани транса. (Почему? «Монд» объяснил это по-своему: «Американская проза еще никогда не была так молода и сексуальна».) Мы представляли собой новую версию «крысиной стаи» кинозвезд конца пятидесятых, компания состояла из меня (Фрэнк Синатра), издателя, который открыл мое дарование (Морган Энтрекин в роли Дина Мартина), издателя, который открыл Джея (Гэри Фискетджон/Питер Лоуфорд), продвинутого редактора из «Рэндом-Хаус» Эррола Макдональда (Сэмми Дэвис-младший) и Макинерни (наш Джерри Льюис). У нас была даже своя Ширли Маклейн, скрывавшаяся под личиной Тамы Яновиц, которая написала сборник рассказов о прелестных молодых интеллектуалах, в наркотическом дурмане не способных выбраться за пределы Манхэттена, и книжка эта уже много месяцев не слезала с первого места в списке бестселлеров «Нью-Йорк таймс». И все мы были на мегадрайве. Перед нами распахивались любые двери. К нам подходили с распростертыми объятиями и сверкающими улыбками. Мы снимались для модных журналов, в стильных ресторанах, в костюмах от Армани, развалившись на диванах в откровенных позах. Среди наших поклонников были рок-звезды, которые приглашали нас за сцену: Боно, Майкл Стайп, «Деф Леппард», участники «И-стрит-бэнда»⁶. Для нас всегда была центральная ложа, всегда передние сиденья на американских горках. Нам не приходило в голову *не* заказывать бутылку «Кристал» или *не* ужинать в «Ле Бернарден», где мы доходили до того, что устраивали бои: кидались омарами и поливали друг друга из бутылок «Дом Периньон» до тех пор, пока безрадостные служители не просили нас покинуть помещение. Поскольку издатели платили за нас, пользуясь неограниченными счетами «на расходы», все это неводержанное пьянство и чревоугодие ложилось на плечи издательских домов. То было время, когда казалось, что сам роман, в сущности, ничего не значит – выход в свет глянцевого книгообразного объекта был лишь предлогом для вечеринок и гламурной жизни и лекций красавцев-писателей, декламировавших свой изящно отточенный минимализм восторженным студентам, которые, разинув рот, внимали каждому слову и думали: я тоже так могу, я могу быть с ними. Конечно, горькая правда состояла в том, что, если тебе недостает фотогеничности, у тебя ничего не выйдет. А если кому ЛОМ не нравился, ему так или иначе приходилось с нами мириться. Мы были везде. От нас невозможно было скрыться, наши лица смотрели со страниц журналов и экранов телевизоров, с рекламы виски и постеров по бокам автобусов, из колонок светских сплетен в таблоидах, где слепящая вспышка выхватывала наши бледные физиономии (в руке сигарета, поклонник подносит огонь). Мы заполнили весь мир.

Я находился под неусыпным наблюдением. Газеты писали обо всем, что бы я ни делал. Папарацци ходили за мной повсюду. Я проливал бокал в «Нелль» – и на шестой странице «Нью-Йорк пост» значилось, что я был пьян. Я ужинал в «Канал-баре» с Джаддом Нельсоном и Робертом Дауни-младшим, игравшими в экранизации «Ниже нуля», и газеты писали, что потом мы «шалили» (это конечно, но какого черта?!), а безобидная встреча по поводу сценария с Элли Шиди за ленчем в «Палио» истолковывалась как сексуальные отношения. Но я сам себя подставлял, не прятался, так чего же я ждал? В двадцать два я снялся для рекламы очков «Рэй-Бан». Я позировал для обложек английских журналов на теннисном корте, на троне, в пурпурном халате на террасе своей квартиры. По первой прихоти я закатывал вечеринки с шикарным ужином, а иногда и стриптизом у себя дома («Потому что сегодня четверг!» – гла-

⁶ E Street Band – аккомпанирующая группа Брюса Спрингстина.

сило одно из приглашений). Я разбил чужой «феррари» в Саутгемптоне, и владелец его только улыбнулся (я почему-то был голый). Я участвовал в трех эксклюзивных оргиях. Я сыграл себя самого в «Семейных связях», «Жизненных обстоятельствах», «Мелроуз-Плейс», «Бeverли-Хиллз 90210» и «Сентрал-парк-уэст». Летом 1986 года я ужинал в Белом доме по приглашению Джебба и Джорджа Буша, и оба сказались поклонниками. Жизнь моя была бесконечным гуляньем, которое становилось еще более чудесным благодаря постоянной материализации кокаина, и если вы хотели со мной тусоваться, вам нужно было иметь с собой пару гз как минимум. Вскорости я наострилсь создавать впечатление, будто внимательно слушаю собеседника, в то время как на самом деле я мечтал о себе: о карьере, о деньгах, которые я заработал, о славе, которая расцвела, озарив мой образ, и о том, какую беспечность я мог себе позволить с молчаливого согласия всего мира. Когда я приезжал в Эл-Эй на рождественские каникулы, то за рулем кремового «Мерседеса-450SL», оставленного мне отцом, записывал на свой счет четыре-пять нарушений, но я жил в мире, где копов можно купить, где ночью можно ездить без включенных фар, где можно нюхать кокс, пока тебе отсасывает второстепенная актриса, где можно заторчать на герыче на три дня, закрывшись с восходящей супермоделью в номере четырехзвездочного отеля. То был мир, в котором быстро стирались все границы. Я мог принять дилаудид в полдень. Я мог не разговаривать со своими ближайшими родственниками по полгода.

Следующая фаза моего существования ознаменовалась двумя событиями: спешная публикация второго романа «Правила секса» и любовная связь с актрисой Джейн Деннис. «Правила секса» были написаны на последнем курсе в Кэмдене и живописали подробности любовной жизни небольшой компании богатых, социально дезориентированных, сексуально не определившихся студентов крошечного гуманитарного колледжа в Новой Англии (настолько похожего на Кэмден, что мне пришлось дать ему другое имя) на пике рейгановских восьмидесятых. Мы следовали за ними с одной оргиастической вечеринки на другую, из одной незнакомой постели в следующую; кроме того, в тексте был приведен полный каталог поглощенных ими наркотиков и алкогольных напитков, описано, с какой легкостью девицы шли на аборт, прогуливали уроки и утопали в безбрежной апатии, и все это подразумевалось как обвинительный акт, который, пожалуй, и предъявить-то некому, но на том этапе своей карьеры я мог сдать хоть записи лекций первого курса по Вирджинии Вулф и все равно получил бы солидный аванс и бесчисленные отклики в прессе. Книжка тоже стала бестселлером, хоть и не таким популярным, как «Ниже нуля», зато пресса была еще больше очарована мной, и декадансом, изображенным в книге, и тем, как она отражала стиль жизни всего общества в это вязкое десятилетие. Книга зацементировала мое право выступать от лица поколения, и слава моя росла прямо пропорционально количеству проданных экземпляров. И пошло-поехало: шампанское ящиками, присланные от Армани костюмы, коктейли в первом классе, упоминания в различных списках самых влиятельных и прочих «самых», места на судейской скамье на играх «Лейкерс», шопинг в «Барнис» после закрытия, иски по установлению отцовства, распоряжения, ограждающие от самых «решительных поклонников», первый миллион, второй миллион, третий. Я собирался открыть свою линию по производству мебели. У меня были планы на собственную кинокомпанию. А свет прожекторов становился все ярче, все интенсивнее, особенно когда я стал встречаться с Джейн Деннис.

Джейн Деннис – молодая фотомодель, которая чрезвычайно гладко перешла в ранг серьезной актрисы и добилась всеобщего признания за свои роли в целом ряде первостатейных проектов. Наши пути пересекались на разного рода приемах для знаменитостей, где она беспрестанно кокетничала со мной, но поскольку в тот период моей жизни со мной кокетничал весь мир, ее интерес едва пеленговался, пока она не явилась на вечеринку, которую я устраивал по случаю Рождества в 1988-м, и не бросилась, грубо говоря, в мои объятия (вот такой я был

неотразимый). На афта-пати в клубе «Нелль» мы уединились в частной кабинке, после чего я спешно увез ее в свой люкс в «Карлайле» (устроителям вечеринки потребовалось два дня, чтобы украсить мою квартиру, и три дня, чтобы ее убрать – у меня было пятьсот гостей, – так что я на всю неделю переехал в гостиницу), где мы всю ночь занимались сексом, а утром мне нужно было спешить на самолет в Эл-Эй на праздники. Когда я вернулся в Нью-Йорк, мы официально стали звездной парой. Нас можно было видеть на благотворительном концерте Элтона Джона в пользу больных СПИДом в «Мэдисон-сквер-гарден», нас фотографировали на матче по поло, у нас брали интервью для программы «Вечерний дивертисмент» на красном ковре «Зигфилда» перед премьерой комедии с Эдди Мерфи, на показе Версаче мы сидели в первом ряду, папарацци нашли нас даже на вилле у друзей в Ницце. И хотя Джейн полюбила меня и хотела замуж, я был слишком занят собственной персоной и чувствовал, что, если отношения будут развиваться в том же ключе, к лету они будут обречены. Она постоянно нуждалась во внимании, у нее случались приступы самоуничтожения, но, кроме этого, были и другие непреодолимые препятствия, а именно наркотики и в меньшей степени избыточное потребление алкоголя; вокруг было много других девушек и мальчиков, и всегда можно было оказаться на вечеринке в полном забытии. В мае 1989 года мы с Джейн расстались друзьями и с тех пор поддерживали странные горько-сладкие отношения: неизбывная тоска с ее стороны и острый сексуальный интерес – с моей. Но я нуждался в личном пространстве. Я хотел быть один. Женщина не должна вмешиваться в мою творческую жизнь (к тому же Джейн ничего в нее не приносила). Я начал новый роман, и работа стала занимать большую часть моего времени.

Что сказать об «Американском психопате», чего еще не было сказано? Я не вижу нужды вдаваться в новые подробности здесь. Для тех, кто в тот момент, что называется, вышел из комнаты, привожу версию «Клифс ноутс»: роман о молодом, богатом, социально дезориентированном яппи с Уолл-стрита по имени Патрик Бэйтмен, который по совместительству еще и серийный убийца, полный безысходного равнодушия, и все это – на пике рейгановских восьмидесятых. В романе было столько порнографии и жестокого насилия, что мое издательство «Саймон и Шустер» отказалось от его публикации по причинам вкусовых расхождений, лишившись выплаченного мне шестизначного аванса. Сонни Мета, глава издательского дома «Кнопф», тут же перехватил права, и еще до выхода в свет роман вызвал невероятный скандал и жесточайшую полемику. Я не высказывался в прессе, в этом не было смысла – мой голос потонул бы в негодующих воплях. Книгу обвинили в пропаганде насилия, говорили, будто ее цель – ввести в моду серийные убийства по всей стране. В «Нью-Йорк таймс» отзыв на роман появился за три месяца до его выхода, озаглавленный «Не покупайте эту книгу». Она стала предметом пятистраничного эссе Нормана Мейлера, опубликованного в «Вэини феър» («первый роман за долгие годы, по глубине тем способный соперничать с Достоевским... и как иногда хочется, чтоб автору не достало таланта!»). Книга вызвала полные насмешки и презрения передовицы, дебаты на Си-эн-эн, бойкот феминисток из Национальной женской организации, непереносимые угрозы физической расправы (из-за них даже отменился тур). Пен-клуб и Авторская гильдия отказались прийти мне на помощь. Меня поносили все кому не лень, притом что книга продавалась миллионными тиражами, а моя популярность достигла уровня звезд кино и спорта. Меня принимали всерьез. Я был шуткой. Я – это авангард. Я – традиционалист. Я недооценен. Я переоценен. Я ни в чем не виновен. Я несу частичную ответственность. Я сам срежиссировал дискуссию. Я ничего не способен срежиссировать. Я – главный женоненавистник в истории американской литературы. Я – жертва расцветающей культуры политкорректности. Споры бушевали все с новой силой, и даже война в Персидском заливе не смогла отвлечь общество от Патрика Бэйтмена и его извращенной жизни, которая пугала, волновала и очаровывала. Я заработал больше денег, чем мог потратить. Это был год тотальной ненависти.

Я никому не говорил – просто не мог, – насколько мучительной была работа над этой книгой. В качестве прототипа Патрика Бэйтмена я собирался взять отца, но что-то заставило меня изменить первоначальный план, и новый персонаж стал для меня единственным ориентиром на все три года, которые потребовались, чтобы написать роман. Я никому не говорил, что книга писалась в основном ночью, когда дух этого безумца посещал меня, порой пробуждая от глубокого, вызванного сильнодействующим успокоительным сна. Поняв наконец, к своему ужасу, чего хочет от меня мой герой, я сопротивлялся как мог, но роман силой продолжал писать себя сам. У меня случались многочасовые провалы, и, очнувшись, я обнаруживал накопленные десять следующих страниц. Я пришел к выводу – и не знаю, как выразить это иначе: роман *хотел*, чтоб его кто-то написал. Он развивался сам, и его абсолютно не волновало, что при этом чувствую я. С ужасом я наблюдал за своей рукой, ручка вела ее по желтым разлинованным листам, на которых я писал черновик. Книга вызвала у меня отвращение, и мне претила честь ее создателя – лавры нужны были Патрику Бэйтмену. Как только роман напечатали, мне показалось, будто *он* вздохнул с облегчением и, что еще гнуснее, с удовлетворением. Он перестал являться после полуночи, бесцеремонно преследовать меня во сне, и я сумел наконец расслабиться: собираться с духом для его ночных визитов больше не требовалось. Но даже годы спустя я и взглянуть на эту книгу не мог, не то чтоб взять ее в руки или перечитать – было в ней какое-то зло, что ли. Отец ни словом не обмолвился со мной об «Американском психопате», но учудил вот что: прочитав той весной примерно половину, он послал матери номер «Ньюсуика», на обложке которого поверх ангелоподобного личика младенца была надпись: «Ваш ребенок гей?» – и ни записочки, ни слова объяснения.

Смерть моего отца случилась в августе 1992 года. В тот момент я королил в хэмптонсовском коттедже за двадцать тысяч долларов в месяц на берегу моря в Уэйнскоте, где пытался избавиться от творческого ступора, в то же время готовясь принять гостей на уик-энд (приехать собирались Рон Галотти, Кэмпбелл Плат, Сьюзен Минот, мой итальянский издатель и Макинерни); я заказал сливовый пирог за сорок долларов в специальной пекарне в Ист-Хэмптоне и два ящика «Домен-Отт». Я старался особо не пить, но уже к десяти утра начинал открывать бутылки шардонне, а если ночью выпивался весь бар, то к утру я сидел в арендованном на лето «порше» на парковке в Бриджхэмптоне и ждал, пока откроется винно-водочный, обычно покуривая в компании Питера Мааса, ожидавшего того же. Я только что расстался с некой моделью после странного скандала, произошедшего, пока мы жарили макрель на гриле, – она поставила на вид мое пьянство, наркоту, эксгибиционизм, педерастические наклонности, избыточный вес, приступы паранойи. Но то было лето Джефффри Дамера, печально известного гомосексуалиста/каннибала/серийного убийцы из Висконсина, и я был уверен, что он находился под влиянием «Американского психопата», так как преступления его вызывали во мне тот же ужас и отвращение, что и деяния Патрика Бэйтмена. И поскольку не где-нибудь, а в гребаном Торонто, батюшки святы, недавно объявился маньяк, который читал-таки книгу и совершил два преступления по ее мотивам, я, обезумевший, нетрезвый, звонил ночью своему агенту и издателю в «Кнопф» убедиться, что меня не привлекут (состава, понятно, не было). Да, правда и то, что я прибавил почти двадцать килограммов – я так разжирел и сгорел на солнце, что, если бы на гигантской розовой зефирине нарисовали рожицу и налепили ее на экран компьютера, различить нас было бы практически невозможно. Понятно, что, будучи настолько не в форме, я взял за обыкновение окунаться голышом в Атлантике в пятидесяти метрах от крыльца коттеджа, за который плачено двадцать тысяч долларов в месяц, и да, я признаю, что позволил себе слегка увлечься юнцом, что работал в «Ловес и Фишез». Так что уход Триши был отчасти объясним. А вот с какой стати она обозвала меня «ебанько» и сорвалась на арендованном «порше» – непонятно.

Летний отдых прервался внезапно, телефонным звонком посреди ночи. Его двадцатидвухлетняя подружка нашла его голого на полу ванной в пустом доме в Ньюпорт-Бич. Это все, что было известно.

У меня не было ни малейшего понятия, что я должен делать, кому звонить, как реагировать. Это был шок, я окончательно пал духом. Кто-то должен был забрать меня из коттеджа и отвезти обратно в Калифорнию. В конце концов, был только один человек, способный все это для меня сделать, или, если быть точнее, – готовый. В общем, Джейн покинула съемочную площадку в Пенсильвании, где снималась в паре с Киану Ривзом, заказала студийный самолет «Метро-Голдвин-Майер», вытащила мою дрожащую тушу в Хэмптонс и полетела со мной в Эл-Эй – и все это в течение двадцати часов после того, как услышала о кончине моего отца. Той же ночью в Шерман-Оукс в доме моего детства, пьяный, в диком ужасе, я жестко вошел в нее в моей старой спальне, в то время как оба мы рыдали. На следующий день Джейн вернулась на съемочную площадку в Пенсильвании. Киану прислал мне букет.

В завещании отец передал мне управление своей собственностью, но толку от нее было мало, и вдобавок за ним остались миллионные задолженности по налогам, послужившие причиной долгой тяжбы с налоговой службой (они не могли понять, как человек, заработавший за последние шесть лет двадцать миллионов долларов, мог все их потратить, пока не выяснили про реактивный самолет и собрание дурного искусства), из-за которой я провел несколько месяцев в Лос-Анджелесе, запертый в офисе в Сенчури-Сити с тремя адвокатами и полдюжиной бухгалтеров, пока не выяснились все финансовые дела. В итоге, если не считать громадного облегчения, которое принесла мне его кончина, я остался с двумя часами «Патек-Филип» и коробкой костюмов от Армани на два размера больше. (Матери и сестрам не досталось вообще ничего.) Вскрытие показало, что в 2.40 у него случился сильный удар, и, хотя коронера и смущали некоторые несоответствия, никто не пожелал в них разбираться, и отец был срочно кремирован. Прах его мы положили в мешок, несмотря на то что его (недействительное) завещание предписывало детям развеять прах над морем в Кабо-Сан-Лукас, где он часто проводил отпуск, и положили в сейф Банка Америки на бульваре Вентура недалеко от обветшавшего «Макдональдса». Я решил ушить несколько костюмов (весь набранный за лето вес сошел с меня за несколько недель) и, когда привез их к портному, с ужасом обнаружил пятна крови в промежности всех брюк, что, как выяснилось позже, было результатом недобросовестной операции по вживлению имплантата в пенис, которую он перенес в Миннеаполисе. В последние годы неприятная смесь диабета и алкоголизма привела отца к импотенции. Я оставил костюмы портному и в слезах поехал обратно в Шерман-Оукс; я кричал и бил кулаком в крышу «мерседеса», бездумно рассекая вдоль ущелий.

А когда я вернулся в Нью-Йорк, Джейн сообщила мне, что беременна, намерена оставить ребенка, отец которого – я. Я молил ее сделать аборт. («Не надо! Реши этот вопрос! Сделай что-нибудь! – кричал я. – Я не могу себе этого позволить! Я умру через два года! И не смотри на меня как на сумасшедшего!») У детей есть голоса, им хочется объяснить себя, рассказать, как оно все на самом деле, – а я спокойно обошелся бы без необходимости наблюдать их удивительные таланты. Я уже примерно понимал, что мне нужно, и детей это не подразумевало. Как и для большинства неженатых мужчин, основным приоритетом для меня была карьера. Моя жизнь – воплощенная мечта холостяка, и я хотел продолжать в том же духе. Я разъярился на Джейн, обвинил ее в провокации и продолжал настаивать, что ребенок не мой. Она сказала, что ничего другого от меня и не ожидала, и в марте следующего года родила, не доносив, в «Седарс-Синай» в Эл-Эй, где она поселилась. В первый год я видел ребенка всего однажды, когда Джейн приехала в Нью-Йорк на премьеру фильма, в котором снималась прошлым летом с Киану Ривзом, и принесла его в мои апартаменты на Тринадцатой стрит в жалкой попытке установить между нами хоть какие-то отношения. Она назвала его Роберт – Робби. Я снова обозлился на нее и стал говорить, что это не мой ребенок. «Тогда кто же, черт побери, по-

твоему, отец?» – спросила она. Тут меня осенило, я ухватился за эту идею. «Киану Ривз!» – прокричал я. (Мы подружились с Киану, когда его прочили на роль в «Ниже нуля», но позднее его заменили на Эндрю Маккарти, который сыграл главную роль в «Манекене», неожиданной сенсации 1987 года, малобюджетном хите, снятом той же студией – «XX век Фокс» – и продюсированном по иронии судьбы отцом девушки, которая послужила прототипом для героини «Ниже нуля»; настолько тесен был мой мир.) Я пригрозил засудить ее, если она подаст на алименты. Поскольку сдавать какие-либо анализы я отказался, она наняла адвоката. Нанял адвоката и я. Ее адвокат заявил, что «ребенок совершенно очевидно похож на мистера Эллиса», на что мой адвокат, с неохотой уступив моим требованиям, отпарировал: «Названный ребенок совершенно очевидно похож на некоего мистера Киану Ривза!» (восклицательный знак – моя идея; что это приведет к разрыву отношений с Киану, я не подумал). Повинуясь закону, я был вынужден пройти тестирование, которое подтвердило мое отцовство, после чего я заявил, что Джейн дезинформировала меня, сказав, будто использует контрацепцию. «Миссис Деннис и мистер Эллис поддерживали открытые отношения, – напирал мой адвокат, – и, невзирая на то, что мистер Эллис – отец ребенка, матерью-одиночкой миссис Деннис стала по собственной инициативе». Как я понял, в подобных делах критическим моментом, сжиганием мостов с юридической точки зрения считалась эякуляция. Однако однажды утром после особенно язвительной беседы между нашими адвокатами Марти повесил трубку и, ошеломленный, посмотрел на меня. Джейн сдалась. Она больше не требовала никаких выплат и в срочном порядке отозвала свой иск. Именно в этот момент, сидя в офисе моего адвоката в первой башне Всемирного торгового центра, я осознал, что Джейн назвала ребенка в честь моего отца, но когда тем же вечером, после того, как мы вроде бы простили друг друга, я потребовал у нее объяснений, она поклялась, что ей это даже в голову не приходило. (Чему я не верю до сих пор и что, безусловно, стало причиной изложенных в «Лунном парке» событий – имя послужило катализатором.) Что еще? Ее родители возненавидели меня. Даже после того, как мое отцовство было доказано, в свидетельстве о рождении сына сохранили фамилию Джейн. Я стал носить гавайские рубашки и курить сигары. Пять лет спустя у Джейн родился еще один ребенок – девочка по имени Сара, – и опять-таки отношения с отцом не задались. (Мне он был смутно знаком – знаменитый музыкальный продюсер из Эл-Эй; неплохой парень.) В конце концов, Джейн казалась практичной, стабильной, хорошей матерью. Мы поддерживали дружескую связь. Она все еще любила меня. Я двигался далее.

Джейн требовала, чтобы имя Робби никоим образом не было связано с моим в каких-либо СМИ, и я, конечно же, соглашался, но в августе 1994 года, когда «Вэнити фэйр» заказал материал обо мне в связи с выходом «Информаторов» – того сборника рассказов, что я написал еще в Кэмдене, – журналист задался вопросом, кто же мог бы быть отцом Робби, и в первом варианте статьи – с подозрительным тщанием проштудированном моим агентством – процитировал «надежный источник», утверждавший, что папой Робби является не кто иной, как Брет Истон Эллис. Я передал эту информацию Джейн, та позвонила моему агенту Бинки Урбан и главе издательства «Кнопф» Сонни Мете с требованием удалить данный «факт» из текста, и Грейдон Картер, главред «Вэнити фэйр» и общий друг, согласился его вырезать – к большой досаде репортера, который «высидел» со мной целую неделю в Ричмонде, Виргиния, где я, предположительно, скрывался от мира в гостях у друга. На самом деле я тайно посещал недавно открывшийся реабилитационный центр «Ранчо каньон», чтобы прийти в форму для краткого тура в поддержку «Информаторов», который я обещал издательству. Эта информация в статью также не прошла.

Очень немногие (включая близких друзей) знали о моем тайном сыне, и, кроме Джея Макинерни и моего редактора, Гэри Фискетджона, видевших Робби на свадьбе общего приятеля в Нэшвилле, куда были приглашены и я, и Джейн, никто из моих знакомых его не видел, в том числе мама и сестры. На той свадьбе в Нэшвилле Джейн сообщила мне, что Робби посто-

янно спрашивает, где его отец, почему папа с ними не живет, почему никогда не приходит навестить. Ситуация была запутанной и требовала разъяснения. Последнее время он все чаще внезапно разражался слезами или надолго замолкал; также отмечались приступы тревоги, беспричинные страхи, сложности в отношениях с близкими, вспышки раздражения в школе. Он никому не позволял к себе прикасаться. Однако на свадьбе в Нэшвилле он инстинктивно взял меня за руку – я все еще был для него чужим, маминым другом, никем, – чтобы показать мне ящерицу, которая ему привиделась под живой изгородью возле отеля, где остановились большинство приехавших на свадьбу гостей. Я сделал вид, что это меня никак не затронуло, и постарался воздержаться от упоминаний о сыне на тысячах коктейлей, которые посетил в последующие годы. Но однажды вечером, когда кто-то вытащил кокаин (принятый к тому времени к ежевечернему употреблению), кусочек тайного существования Робби выпал у меня изо рта, насторожив окружающих. Они уловили за маской настоящую тоску, и, заметив печаль и недоумение на лицах, я быстренько заткнулся, включил свою новую мантру: «Да шучу я, шучу» – и принялся заново представлять свою, уж не помню какую, подружку людям, которых она знала уже много лет. Девушка оторвалась от зеркала, заваленного кокаином, с удивлением посмотрела на меня и, пожав плечами, нагнулась обратно, и еще одна дорожка исчезла в жерле крепко скрученной двадцатидолларовой купюры. Свадьба – когда Робби впервые взял меня за руку – стала началом. То был момент, когда сын внезапно стал для отца реальностью. То был, кроме того, первый год, в который я потратил более ста тысяч долларов на наркотики. Деньги, которые – что? – могли бы пойти на нужды Робби, надо полагать. Но Джейн получала по четыре-пять миллионов за роль, а я был постоянно под кайфом, так что вскорости это перестало меня беспокоить.

Многие считали меня голубым, поэтому быстро позабыли, как Брет Истон Эллис обмолвился – в бреду, обкокошенный, всасывая очередной стакан «Столичной», – что у него есть ребенок. Тема голубизны всплыла в пьяном интервью британской газете, которое я давал, рекламируя документальный фильм Би-би-си, рассказывающий о моей жизни до теперешних тридцати трех лет и названный по заключительной строчке «Американского психопата»: «Это не выход: Жизнь Брета Истона Эллиса» (слава, невоздержанность, упадок сил, болезнь, сердечные раны, «двойники», инцидент с кражей в магазине, арест в парке на Вашингтон-сквер и возвращение – я в замедленной съемке иду по спортивному залу под надрывный «радиохэдовский» «Creep»). Походя заметив, что во многих кадрах фильма я выгляжу «несколько утомленным», журналист, вместо того чтобы спросить, принимаю ли я наркотики, поинтересовался, не гомосексуалист ли я. И я ответил: «Ну да, конечно, вы угадали!» – добавив фразу, которая казалась мне откровенно саркастичной ремаркой насчет моего разоблачения. «Слава богу! – прокричал я. – Наконец-то меня раскусили!» Я рассказывал о своих экспериментах с однополый любовью в бесчисленных интервью, а в материале для «Роллинг стоун» даже пустился в подробное описание студенческой тройки, частью которой я был в Кэмдене, но на этот раз грянул гром. Пол Богардс, занимавшийся моим пиаром в «Кнопфе», прочитав эту статью в «Индепендент», назвал меня «обдолбанным анальным террористом», одновременно смакуя бурную полемику, которая поднялась вокруг этого признания, не говоря уже о росте продаж моих старых книжек. Создатель Патрика Бэйтмена, автор «Американского психопата», самой женоненавистнической книги на свете, оказывается – дышите глубже! – гомосексуалист?!? Так ко мне прилепилась педерастия. После этого интервью журнал «Адвокат» даже внес мое имя в список «Ста самых интересных гомосексуалистов года», что привело в ярость моих друзей – настоящих пидоров – и послужило причиной конфузливых, слезливых звонков от Джейн. Но ведь я просто «чудачил». Я ведь просто «шалун». Я ведь просто «Брет». Мои фото в джакузи особняка «Плейбой» (я был завсегдатаем во время визитов в Эл-Эй) из года в год печатали на светской страничке журнала, поэтому известие о моей ориентации вызвало «ужас и оцепенение». «Нэшнл инкуайерер» объявил, что я встречаюсь с Джулианой Маргулис, или Кристи

Терлингтон, или Мариной Раст. Говорили, что я встречаюсь с Кэндис Бушнел, Рупертом Эвереттом, Донной Тарт, Шерри Стрингфилд. Ходили слухи, что я встречаюсь с Джорджем Майклом. Я встречался даже с Дианой Вон Фурстенберг и Барри Дилером. Я был не натурал, не педик, не би, я уже сам не понимал, кто я есть. Но я сам был в этом виноват, и по большому счету меня забавлял тот факт, что людям действительно небезразлично, с кем я сплю. Какая разница? Я был загадкой, тайной – вот что имело значение, вот что продавало книжки, что делало меня еще более знаменитым. То была пропаганда с целью усугубить и без того шикарный образ автора как симпатичного молодого плейбоя.

На героине мне казалось – все мои действия невинны и полны любви, я страстно желал укрепить свои узы с родом человеческим, я был расслаблен, и безмятежен, и сосредоточен, и откровенен, и заботлив, а сколько я давал автографов и скольких нашел друзей (никто не удержался, все съехали). Время, когда я открыл для себя героин, совпало с началом процесса, затянувшегося на целое десятилетие: все девяностые я обдумывал, писал и раскручивал пятисотстраничный роман под названием «Гламорама» про международную террористическую организацию, использующую мир моды в качестве прикрытия. Книга эта должна была – предсказуемо – снова сделать меня мультимиллионером и еще более знаменитым. Но я обязан был предпринять мировое турне. Я пообещал, когда подписывал контракты; это нужно было, чтоб я снова стал мультимиллионером; на этом настаивало мое агентство, чтобы получать с мультимиллионера свои проценты. Но я торчал довольно плотно, и полутороговой тур расценивался издательством как рискованное предприятие, поскольку, говоря словами Сонни Меты, я был «постоянно как будто под кайфом». Но они сдались. Им нужен был этот тур, чтобы помочь компенсировать выплаченный мне основательный аванс. (Я предложил им послать вместо меня Джея Макинерни – все равно никто не догадается, был мой довод; кроме того, я знал, что Джей справится. В «Кнопфе» мало кто даже смутно верил в осуществимость этого проекта.) Тем не менее я снова хотел стать мультимиллионером, поэтому я пообещал им, что завяжу, – и завязал-таки, ненадолго. Врач, к которому меня направили, был убежден, что, если я не стану соблюдать осторожность, к сорока годам мне понадобится новая печень. Это помогло. Но не слишком.

Дабы убедиться, что я не употребляю наркотики во время первого витка раскрутки «Гламорама», «Кнопф» нанял ямайского телохранителя, который должен был за мной приглядывать. Ускользнуть от него, как правило, было просто, иногда – сложнее. Как большинство состоятельных наркоманов, я был небрежен, по выходе из ванной комнаты мой пиджак бывал усыпан кокаином, порошок покрывал лацканы, крошки оставляли пятна на штанах новеньких костюмов от Черрути, и становилось очевидно, что завязал я еще не до конца; это привело к ежедневным обыскам, и, когда Теренс находил завалявшиеся в моих плащах от Армани пакетики с метадоном, коксом и герычем, он тут же отправлял одежду в химчистку. Позднее проявились и более серьезные последствия злоупотребления наркотиками в долгом изнурительном турне: приступ в Рэли и смертельно опасная кома в Сент-Луисе. Теренс довольно скоро сдался («Ман, хочешь торчать – торчи, – добродушно говорил он, теребя дредлок. – Теренс не хочет знать. Теренс? Он устал, ман»), и вот я уже долбился каждые десять минут во время интервью в гостиничном баре в Цинциннати, поглощая двойной космополитэн в два пополюдних. Я протаскивал пропановые горелки и огромные мешки крэка на борт самолетов «Дельты». В Сиэтле я передознулся в кабинке туалета (в Сорренто я три минуты был клинически мертв). Тогда-то и началось нешуточное беспокойство. Число укротителей возросло в каждом городе, и, если к обеду меня не обнаруживали, издатели отдавали приказ найти начальника охраны гостиницы, где я остановился, чтобы тот открыл мой номер, – а если дверь была на цепочке или под рукоятку был подставлен стул, инструкция гласила «выбить гребаную дверь», дабы убедиться, что я еще живой, и, конечно, я всегда был живой (буквально, если не фигурально),

но такой убитый, что пиарщикам приходилось под локотки тащить меня из лимузина на радиостанцию, оттуда – в книжный магазин, где я начинал свои чтения, расплывшись по креслу, бурча в микрофон, а рядом нервно ерзал магазинный клерк, приставленный, чтобы щелкнуть перед моим лицом пальцами, если я вдруг вырублюсь (а иногда во время раздачи автографов им приходилось водить моей рукой, чтобы добиться узнаваемой подписи, тогда как я отделался бы просто крестиком). А если наркотики были недоступны – резко падала моя заинтересованность в проекте. Например, в Денвере знакомого дилера замочили несколькими ударами отверткой в голову, о чем до приезда мне известно не было, так что по причине отсутствия доступной наркоты пришлось отменить мое появление на фестивале «Потертая обложка». (Я сбежал из «Браун-Паласа» и был найден на лужайке возле дома другого дилера, без ботинок, без бумажника, стонущим, со спущенными до лодыжек штанами.) Без наркотиков я не мог принять душ – боялся того, что может выскочить из смесителя. Бывало, иная фанатка, беря автограф, намекала, что у нее есть наркотики, так мы сразу тащили ее с собой в отель, где она пыталась оживить нас наркотой и оральным сексом (что с ее стороны требовало недюжинного терпения). «Да с героина за неделю можно сняться», – с надеждой твердила одна из таких, одновременно пытаясь отгрызть себе руку, поскольку поняла, что я употребил все шесть пакетиков ее порошка. Без наркотиков я был уверен, что хозяин книжного магазина в Балтиморе на самом деле – горный лев. Если так пошли дела, возможно ли всухую перенести шестичасовой перелет в Портленд? Решение? Достать еще наркотиков. И я продолжал гоняться за герычем и клевать носом на интервью в гостиничных барах. В самолетах я бессознательно расползался в кресле первого класса, после чего меня везли по аэропорту на каталке в сопровождении служащего авиалинии, чтобы я не утек. «Пищевое отравление», – отвечал на вопросы прессы Пол Богардс, теперь глава пиар-отдела „Кнопфа“. – Он отравился... м-м-м... ну, едой, в общем».

И турне грохотало далее.

Я мог очнуться в Милане. В Сингапуре. В Москве. В Хельсинки. В Кёльне. В городах Восточного побережья. Я очнулся, обнимая бутылку текилы, в белом лимузине, мы неслись по Техасу, на радиаторе торчали бычьи рога. «Почему Брет не пришел на чтения?» – спрашивали журналисты у Пола Богардса. Выдержав паузу, Пол отвечал со ставшей уже привычной неопределенностью: «М-м, усталость...» Еще одна шпилька: «Почему Брет отложил целый этап тура?» Долгая пауза. «М-м, аллергия». Еще более длительная пауза, после которой смущенный журналист осторожно замечает: «Но ведь сейчас январь, мистер Богардс». Невыносимо затяжная пауза, и в итоге Богардс, тихонечко так: «Усталость...», еще пауза, и уже почти шепотом: «Пищевое отравление». Однако деньги делались такие (порнографии и расчлененки было достаточно, чтобы утолить жажду поклонников, так что книжка попала практически во все списки бестселлеров, несмотря на рецензии, которые обычно заканчивались словом «мерзость»), поэтому расписания неизбежно перекраивались, в противном случае мой издатель понес бы серьезные убытки. Теперь моя карьера полностью подчинялась экономической целесообразности, и даже огромные букеты в мои гостиничные люксы посылали, чтобы смягчить «приступы ужаса от мнимой опасности». От каждого отеля, в котором я останавливался в ходе мирового турне «Гламорама», требовалось: «Десять свечей церковных, коробка пастилок жевательных с витамином С, леденцы от горла „Риколла“ в ассортименте, корень имбиря свежий, три большие упаковки кукурузных чипсов „Кул ранч“, бутылка шампанского „Кристал“ охлажденная, телефонная линия, рассчитанная только на исходящие звонки, без записи номеров абонентов», а на всех чтениях софиты должны были быть с оранжевым фильтром, чтобы оттенять мой салонный загар. При невыполнении данных требований договор между мной и «Кнопфом» аннулировался. А кто сказал, что быть поклонником Брета Истона Эллиса легко.

На вторую часть американского турне привлекли настоящего драг-копа; в какой-то момент вышло первое издание в мягкой обложке (вот как долго я уже был в пути). Теренс скрылся в тумане уже много месяцев как, вместо него возникла девушка со свежим личиком

– «эмоциональная помощь», или «нянька для знаменитости», или «трезвый собеседник», или как там ее еще, – чья основная задача была следить, чтоб я не нюхал героин перед чтениями. Наняли ее, конечно, не столько для меня, сколько для защиты интересов моего издателя. По большому счету их не волновали глубинные причины моей зависимости (впрочем, как и меня), их интересовал исключительно уровень продаж, который повышался благодаря турне. Собственное состояние я определял как «хрупкое, но функциональное», но, судя по мейлам, которые драг-коп слал с дороги, функционировать я определенно был не в состоянии.

Докладная записка № 6: «писателя нашли в 15 милях к юго-западу от Детройта, где он прятался в микроавтобусе, припаркованном на разделительной полосе, пытаясь содрать с кожи несуществующую коросту».

Докладная записка № 9: «на антиглобалистской демонстрации в Чикаго неизвестно как оказавшийся там писатель надышался слезоточивого газа».

Докладная записка № 13: «Беркли: в переулке за „Барнс-и-Нобл“ писателя чуть не придушил драг-дилер, взбешенный тем, что с ним „плохо расплатились“».

Докладная записка № 18: «Кливленд: писатель проспал до 15.00, пропустив все утренние и дневные интервью, по пробуждении „набивал пузо всяким калом“, пока не „проблевался“. Также было замечено, что писатель стоял возле зеркала в холле и плакал, всхлипывая: „Как я постарел“».

Докладная записка № 27: «Санта-Фе: писатель якобы принуждал доберман-пинчера сделать кунилингус находящейся без сознания фанатке, а когда указанное животное не проявило к указанной девушке никакого интереса, ударил животное по голове и был жестоко покусан».

Докладная записка № 34: «Книжная ярмарка в Майами: писатель закрылся в туалете книжного магазина, неоднократно выкрикивая озабоченным служащим: „Вон!“ Появившись час спустя, писатель снова стал „чудить“. „По мне ползет змея, – кричал писатель, – она меня кусает! Она У МЕНЯ ВО РТУ!“ Когда писателя потащили в дежурную полицейскую машину, он ухватился за учащегося ешивы, пришедшего на чтения, и, пока не приехала „скорая“, непрерывно ласкал и ощупывал смущенного юношу. Глаза его закатывались, и последним, что прокричал писатель, было: „Еврейчик едет со мной!“»

Пол Богардс, в свою очередь, отвечал так: «Мне плевать, если для того, чтобы вывести прямостоящего писателя на сцену, придется затолкать ему в жопу швабру, – сделайте это». Мне казалось, что меня похитили. Таким долгим и чудовищно несправедливым казалось мне это мероприятие. От бесконечного давления я все время падал в обморок. Совладать с собой помогал велбутрин, кроме того, я отказывался признавать, что что-то не так. Моя укротительница называла турне не иначе как «узаконенная психическая травма». «Да это же побег от реальности!» – возразил я. «Вам просто нужно дойти до самого дна», – отрезала она. Однако, зарабатывая под три миллиона в год, дойти до дна не так уж просто.

Рецензии на мои выступления не сильно различались между собой: «Бессвязный, не способный сосредоточиться, погруженный в себя, Эллис унавожил вечер таким толстым слоем тарабарщины, что творческая встреча свелась, собственно, к возможности наблюдать знаменитого писателя, как он есть на самом деле» – таков был типичный отклик критика. Весь Интернет облетела весть о моих «пачкулях» и «непреднамеренно уморительных» автографах, заставляя людей покупать мои книжки, а их задницы плюхаться в складные стулья на устроенных издательством чтениях, которые в итоге превращались в грандиозные события, потому что я излучал немногословную утомленную невозмутимость, столь популярную в культуре того

периода. Однако страсть к саморазрушению превзошла самое себя – я уже начинал выигрывать игру, в которой не может быть победителя. Питался я так скудно, что во время чтений в Филадельфии (где я отшвырнул книжку и принялся разглагольствовать об отце) у меня выпал передний зуб.

Меня измучили непрерывные нападки прессы (и собственная двуличность и правда, которую я скрывал), и после премьеры фильма по «Американскому психопату», которая должна была стать финалом полугодового турне «Гламорама», его кульминацией, я понял, что, если хочу жить дальше (то есть не умереть), мне надо смыться в Нью-Йорк. Я был измотан. Недельный кокаино-героиновый марафон, стартовав в лимузине по дороге в кино-театр «Сони» на Бродвее, 68, продолжился долгими ночными праздниками, которые сначала отмечались в магазине «Черрути» на Мэдисон-авеню (тот предоставил костюмы для съемок), потом перекочевали ближе к центру в «Поп», затем оттанцевали в «Спа», после чего приволоклись в мою квартиру на Тринадцатой стрит, где члены съемочной группы, и их разнообразные агенты, и пиарщики, и диджеи, и прочие заметные фигуры молодого Голливуда отжигали до тех пор, пока наутро не явился домовый комендант и не потребовал, чтоб я немедленно выдворил всех, так как мы превысили уровень шума, допустимый для жилого помещения, хоть я, плавая в облаке водки и крэка, и пытался подкупить его крепким рулончиком сотенных. После всего этого я семь дней лежал в кровати в одиночестве, смотрел порно-DVD с выключенным звуком и снюхал, может быть, сорок пакетов героина, поплеывая в синее пластмассовое ведро у кровати и уговаривая себя, что именно неуважение со стороны критического сообщества и причиняет мне боль, которую без помощи наркотиков не утолить. Я просто лег и стал ждать, когда наступит китчевый финал блистательной карьеры.

Следующую неделю я без толку проторчал в клинике «Исход» в Марина-дель-Рай (где мне поставили диагноз, что-то вроде «приобретенный ситуативный нарциссизм»). Эффекта – ноль. Только таблетки, кокаин да промокашки с кислотой и отпечатком Барта Симпсона или Пикачу имели для меня значение, только так я мог хоть что-то *почувствовать*. От кокаина уже стала разрушаться носовая перегородка, и я искренне полагал, что правильным решением будет перейти исключительно на крэк, однако два литра водки, поглощаемые мною ежедневно, даже эту цель делали туманной и недостижимой. Кроме того, я вдруг понял, что за последние два года написал только одну вещь: жуткий рассказ, где фигурировали инопланетяне, ресторан быстрого питания и говорящее бисексуальное пугало, – притом что своему агентству я обещал уже черновик мемуаров. Поскольку, если верить Бинки, мы как минимум дважды в месяц отказывали в авторизации очередным биографиям, в очереди за моими мемуарами стояло более дюжины издательств. Во время тура «Гламорама» я бесстыдно разглагольствовал на эту тему, а самые живописные детали озвучил в (бессвязном) интервью «Роллинг стоуну» в предновогоднем двойном выпуске 1998 года. Не написав ни единого толкового предложения, я тем не менее уже озаглавил автобиографию: «Где я был, туда уж не вернусь». Речь должна была идти о событиях, повлиявших на мое становление в детстве и отрочестве, и заканчивалось все третьим курсом в Кэмдене за месяц до публикации «Ниже нуля». Однако когда я начинал хотя бы просто думать о мемуарах, все было безрезультатно (в документальном повествовании я никогда не смог бы так откровенничать, как в своих романах), так что я сдался. (Некто Джейми Кларк тем не менее написал биографию, и «Блумсбери» собирается выпустить ее в будущем году; я не давал своего разрешения на публикацию и планирую резко опротестовать книгу, название которой «Остров Эллиса»⁷.) Я продолжал употреблять.

⁷ Игра слов: Ellis Island – также Эллис-Айленд, остров в заливе Аппер-Нью-Йорк-Бей, на котором прежде находился переправочный пункт для эмигрантов из Старого Света.

Возникла также проблема с деньгами – они кончились. Я все продал. На что? Наркотики. Вечеринки по пятьдесят тысяч баксов. Наркотики. Девушки, которые хотели в Италию, Париж, Лондон, Сан-Бартс. Наркотики. Гардероб от «Прада». Новый «порше». Наркотики. Программа реабилитации, которую не покрывала моя медицинская страховка. В какой-то момент Голливуд окатил меня золотым дождем, я получал немалые деньги за доработку сценариев, но когда рассказы о моих наркотических эскападах стали настолько подробными, что оставить их без внимания уже не получалось, стал иссякать и этот источник, причем процесс ускорился после того, как я отослал несколько скриптов без единой требуемой правки, с редкими, нацарапанными на полях замечаниями типа «не очень-то», или «пожалуй, даже превосходно», или «эту сцену надо бы усилить», и вездусущее «я ненавижу своего отца». Искра, некогда вдохновлявшая меня, по большому счету угасла. Что заставило меня водиться с гангстерами и жуликами, зарабатывающими контрабандой алмазами? Что заставило меня покупать стафф килограммами? Квартира провоняла марихуаной и крэком. Однажды я проснулся под вечер и понял: я не понимаю, что и как работает. Какую кнопку нажать, чтобы кофеварка выдала эспрессо? Кто выплачивает мою ипотеку? Откуда на небе звезды? В какой-то момент понимаешь, что все имеет конец.

Пришло время свести ущерб к минимуму. Пришло время восстанавливать связи. Пришло время больше рассчитывать на себя самого.

Я утратил кураж, уверенность в себе, все то, что необходимо, дабы постоянно пребывать в лучах рампы. Жажда славы, желание быть фигурой Сцены иссякли – все это меня ужасно утомило. Моя жизнь – мое *имя* – стала восприниматься и склоняться, как избитая несмешная шутка, я был сыт по горло. Жизнь знаменитости – закодированная система, необходимо постоянно расшифровывать, чего от тебя хотят, земля уходит из-под ног, и если ты делаешь выбор – в итоге он всегда оказывается неверным. Все это тем труднее переносилось, что приходилось помалкивать, ведь я не знал никого, кто был способен мне посочувствовать (может, Джей Макиннерни, но сам он увяз в этом настолько, что вряд ли отнесся бы с пониманием), и я наконец смекнул, что абсолютно одинок, и только тогда понял, что попал по-крупному. Моя печальная поза относительно славы и наркотиков – удовольствие, которое я получал, жалея себя, – обернулась жестоким унынием, и будущее перестало быть даже отдаленно похожим на правду. Неотвратимо, на полном ходу ко мне приближались лишь тьма, могила, финал. Тот жуткий год вместил в себя неизбежные двенадцатиступенчатые программы, шесть различных реабилитационных центров, бесконечное количество последних шансов, четвертое вмешательство, неминуемые срывы, бессчетные рецидивы, неудачные выздоровления, неожиданный побег в Лас-Вегас, падение в бездну и в итоге полнейший провал.

В конце концов я позвонил Джейн. Она выслушала меня. Она сделала свое предложение. Она протянула руку. Я был настолько поражен, что разрыдался. Мне выпал редчайший шанс – и я сразу это понял – восстановить давно разрушенные отношения. Сперва я немного поколеблялся, но одно обстоятельство перекрывало любые соображения: никому больше я был не нужен.

И вот почему я тотчас восстановился. Я окончательно завязал в мае, в июне подписал контракт на огромную сумму (агентство хотело новый роман, издательство же пошло на него со скрипом), а в июле переехал в новый особняк Джейн. В конце месяца мы поженились, приватная церемония прошла в мэрии, и единственной свидетельницей была Марта, ее ассистент. Однако Джейн Деннис – известная актриса, и новости «каким-то образом» просочились. «Нэшнл инкуайерер» моментально отреагировал, опубликовав материал о ее «сногсшибательном несчастье в любви», где перечислялись все ее неудачные романы (когда она успела повстречаться с Мэтью Макконахи? Билли Бобом Торнтоном? Расселом Кроу? Что еще за *Q-Tip*?) и в финале вопрошалось: «Почему же Джейн Деннис связала свою жизнь с челове-

ком, который обошелся с ней так жестоко?» Нас сравнивали с Анжеликой Хьюстон и Джеком Николсоном, Джерри Холл и Миком Джаггером. Практикующий психопатолог выдвинул предположение, что, когда речь идет о неправильном выборе партнера, знаменитые женщины мало чем отличаются от безвестных. «Можно быть красивой и успешной и все равно любить неудачника» – это подавалось как цитата психопатолога и добавлялось: «Красивые женщины часто притягивают к себе подонков». Далее шли размышления о моей «грубости и бессердечии», о «нежелании отречься от комментариев относительно роли Киану Ривза». Анонимный источник рассуждал: «В отношениях с негодяем должна быть какая-то возбуждающая новизна – наверно, Джейн просто не может отказаться от преодоления трудностей». Там же цитировался ее «близкий друг»: «Выйти за Брета Истона Эллиса – в пятерке самых идиотских решений нового тысячелетия».

Мы предприняли ремонтно-восстановительные работы и согласились на интервью для журнала «Молва» (под заголовком «Пан или пропал?»), где Джейн защищала меня, а я раскаивался. В статье подробно описывались годы, проведенные мною в нарко-алкоголическом болоте, хоть я и утверждал, что уже исправился. «Про Брета говорили ужасные пакости», – выступила Джейн, и с ее подачи я «возмущенно» добавил: «Да, мне до сих пор противно от этого». Джейн затянула жалобную песню: «Все это ужасно сказывается на отношениях, моя самооценка существенно снизилась» и «Мне кажется, хорошие парни – что бы это ни значило – попросту боялись меня, поэтому все мои мужчины не отличались особой заботливостью». Автор отметил, как Джейн «украдкой взглянула» на меня. Он также отметил мое «непоколебимое спокойствие» и, похоже, не поверил, когда я сказал: «Я стараюсь как можно больше времени проводить с детьми – я хочу посвятить себя их воспитанию». (Журналиста не хватило, чтоб отметить, как поразила и преобразила меня моя новая трезвая жизнь: изможденный вид, пятно крови на руке, понимание, что сердце может остановиться, что дети могут быть жестокими.) Писака интерпретировал ситуацию по-своему, в стиле популярной психологии: «Знаменитые женщины нередко занимаются самовредительством – им кажется, что они не заслужили того, что имеют» и «Чтобы противостоять хамству, нужен сильный характер, а знаменитости уж точно не сильнее обычных людей». Мне тоже задавались вопросы вроде: «Некоторые журналисты сомневаются в вашей искренности – что вы на это ответите?» и «Что стало причиной вашего обморока на церемонии награждения „Золотой глобус“ в прошлом году?» Однако Джейн не сдавалась и парировала: «Брет для меня – это источник силы», на что неназванный друг ответил: «Анекдот. Давайте смотреть правде в глаза: Джейн вышла за Брета Эллиса по причине низкой самооценки. Она заслуживает большего, нежели профессиональный тусовщик, так ведь? Эллис – лох полнейший». Цитировался еще один неназванный друг: «Брет ее даже на дорожные занятия не возил! Речь идет о парне, который курит марихуану в такси». Джейн признала, что связи с «плохими парнями» затягивают и что их «непредсказуемость» заставляет ее сердце биться быстрее. «Да просто со мной не скучно», – якобы сказал я. Другой анонимный источник: «Джейн – неисправимая воспитательница, и с Бретом она потому, что убедила себя: в глубине души он хороший парень». Следующий аноним не согласился и выразился более лаконично: «Он. Просто. Гад». Моя финальная фраза была такова: «Джейн наполнила мою жизнь смыслом – я умею быть благодарным». Статья заканчивалась совсем уже, на мой взгляд, непотребным: «Удачи, Джейн».

К тому времени Джейн переехала из Лос-Анджелеса в безымянные предместья на Северо-Востоке, достаточно близкие к Нью-Йорку для деловых встреч, но в то же время безопасно удаленные от того, что она называла ужасами городской жизни. Толчком послужила атака на Всемирный торговый центр и Пентагон. Сначала Джейн рассматривала некую экзотическую глушь на Юго-Западе или бескрайние просторы Среднего Запада, однако потом задача упростилась до переезда в пригород как минимум в двух часах езды от любого большого

города, поскольку именно там бомбисты-самоубийцы взрывали себя в битком набитых «Бургер-кингсах», и «Старбаксах», и «Уол-мартах», и в метро в час пик. Целые районы крупных городов оказались за кордоном из колючей проволоки, а утренние газеты печатали на первой полосе панорамные фотографии взорванных зданий, где на кучи переплетенных тел падала тень от крана, поднимающего опаленные бетонные панели. Все чаще комментарии заканчивались фразой: «Спаси никого не удалось». Повсюду продавались пуленепробиваемые жилеты, потому что внезапно появилось множество снайперов. Посты военной полиции на каждом углу утешали мало, а камеры видеонаблюдения показали свою бесполезность. Безликих врагов внутри страны и за границей было такое множество, что никто уже толком не понимал, с кем мы воюем и почему. Города стали скорбными поселениями, где обыденная жизнь споткнулась о внезапно выросшие погребальные холмы из стали, стекла и камня, и над всем этим невообразимого предела достигли скорбь и горе, которое только усиливалось от развешанных повсюду изорванных, заляпанных фотографий пропавших без вести, напоминавших не только о понесенных утратах, но и о том, что еще предстоит, и бесконечные нарезки по Си-эн-эн, где в замедленной съемке люди (некоторые – обернутые в американский флаг) бродят по развалинам под песню «Мы преодолеем» в исполнении Брюса Спрингстина. Слишком много стало жутких моментов, когда живые завидовали мертвым, и люди побежали – в деревню, в пригороды, куда угодно. В городах невозможно стало жить с детьми, или точнее, строить отношения, поднимать семью, как полагала Джейн. Слишком многие потеряли способность любить.

Джейн хотела вырастить одаренных, дисциплинированных, настроенных на успех детей, но боялась буквально всего: педофилии, бактерий, джипов (хотя джип у нас был), оружия, порнографии, рэп-музыки, рафинированного сахара, ультрафиолетовых лучей, террористов, нас самих. Я прошел курс управления гневом и проговорил «раны прошлого» с психотерапевтом после короткой, но жаркой стычки с Джейн относительно Робби, которая внезапно вспыхнула посреди вполне безобидной беседы. (Речь шла о его желаниях. Речь шла о его потребностях. Любые мои побуждения отвергались, и мне предлагалось смириться с этим. Я вынужден был ответить.) Все лето я старался поближе узнать этого беспокойного, печального, настороженного мальчика, который давал уклончивые ответы на вопросы, требующие, на мой взгляд, ясности и точности, а также Сару, которой было уже шесть и которая чаще всего сообщала мне, как ей все наскучило. Поскольку летние лагеря отменились, мы с Джейн развили бурную деятельность, чтобы вывести детей из ступора: секция карате, уроки игры на гобое, аудиозанятия, умные игрушки, поездка в музей восковых фигур, в океанариум. То лето повернулось к Робби спиной, ему не разрешили слетать в Сеул на чемпионат мира по компьютерным играм (он считал себя «профессиональным» игроком). То лето познакомило меня со всей линейкой препаратов, которые регулярно принимали дети (стимуляторы, стабилизаторы настроения, антидепрессант лексапро, аддерол от дефицита внимания/гиперактивности и множество других прописанных им антиконвульсантов и антипсихотиков). Тем летом я строил крепость. И лепил печенье. И купил Робби серебряного робота, на что он ответил: «Я стар для этого, Брет». А вместо робота он хотел CD-ROM с программой по астрономии. Тем летом я купил батут, и Робби, прыгая на нем, получил вывих. Мы ходили по лесу. Мы совершали долгие вылазки на природу. Я не мог поверить, что соблазнусь экскурсиями на ферму и на шоколадную фабрику, а также буду кормить с руки жирафа (которого потом в грозу убило молнией) в местном зоопарке. Я вспомнил, кто такой Снаффлапагус⁸. То было лето разных цветов, и формочек, и считалок, и Сары, которая знала, как по-испански «привет», и рядом всегда были синяя собака и добрый дракончик и кукольные спектакли, где животные вступали между собой в поучительные отношения, и я читал ей «Ленивого щенка» с CD-ROM-а, отчего книжка стала казаться сухой и скучной, и с экрана компьютера пустым свечением пялились на нас иллюстрации. Все

⁸ Алоизий Снаффлапагус – длинноногая кукла, персонаж «Маппет-шоу».

это было немного как во сне. Я был втиснут в роль мужа, отца-защитника – и сомнения мои были велики. Но я двигался к высшей цели. Я невольно чего-то добивался. С детьми, когда они были угрюмы, или безразличны, или канючили, я научился говорить внушительным тоном, и это вроде бы принесло Джейн облегчение. (В то же время Джейн требовала, чтоб я не «сбивался с цели», и вот я без труда нашел себе место преподавателя писательского мастерства – хотя моя группа собиралась не чаще раза в неделю всего на три часа.) Я наблюдал за изменениями в себе, и единственное, что оставалось, это признать: мое обращение наделяет жизнь смыслом. Я уже не выжигал по живому. Исчезла плотность городской жизни – предместья были разбросаны фрагментарно, беспорядочно; мне больше не доводилось листать бесовский словник («Загат») в поисках приличного ресторана; в прошлом осталась война кошельков за бронирование столика. Кому теперь придет в голову толкаться по VIP-зонам и кривляться перед папарацци на красном ковре кинопремьер? За городом я расслабился. Здесь все было иначе: ритм жизни, социальный статус, подозрения относительно окружающих. Это было убежище для сошедших с дистанции; низшая лига. Здесь не нужно было уделять столько внимания деталям. Здесь не требовалась четкая поза. Я ожидал соскучиться и что скука перерастет в раздражение, но этого так и не случилось. Вид хозяина, заботливо подрезающего куст, вопреки ожиданиям не высекал в душе искры, поджигая бикфордов шнур раскаяния. Я отказался от подписки на «Хочу это!» и в общем и целом был в порядке. Однажды в конце августа я ехал вдоль поля, усеянного редкими тополями, и вдруг судорожно вздохнул. По щеке покатилась слеза. Я счастлив, подумал я изумленно.

Однако к концу лета все, чему я научился, стало исчезать.

«Проблемы», развившиеся в нашем доме в течение последующих двух месяцев, начались в октябре, а к ноябрю достигли критической точки. Временного промежутка в двенадцать дней хватило, чтобы все рухнуло в тартарары.

Я описал все «эпизоды» последовательно. «Лунный парк» – простой и честный пересказ имевших место событий, и хотя история эта, по сути, подлинная, книга писалась без использования фактического материала. Я, например, не сверялся с данными судмедэкспертизы относительно произошедших за этот период убийств – потому что в каком-то смысле я сам их совершил. Я нес за это ответственность и без коронера знал, что произошло с жертвами. Есть люди, которые оспаривают реальность ужасных событий, произошедших той осенью на Эльсинор-лейн, и, когда книга проходила юридическую комиссию в издательстве, против публикации среди прочих выступила моя бывшая жена; ее поддержала и моя мать, что странно, поскольку в течение тех жутких недель ее там не было. Дело, заведенное на меня в ФБР в начале 1990-го, когда разгорелся скандал с публикацией «Американского психопата», и до сих пор не закрытое, могло бы кое-что прояснить, но сведения эти засекречены, и мне запрещено на них ссылаться. Немногие «свидетели», способные подтвердить реальность этих событий, просто исчезли. Например, Роберт Миллер, нанятый мной эксперт по паранормальным явлениям, просто испарился, как и веб-сайт, на котором я нашел его контакты. Мой тогдашний психотерапевт, доктор Дженет Ким, предположила, что в тот период я был «не я», и намекнула, что, «возможно», наркотики и алкоголь и «довели» меня до состояния, близкого к маниакальному. Я изменил имена, и само место действия вызывает у меня смутные сомнения, но это все не важно – место как место. Пересказывая эту историю, я понял, что события, произошедшие в «Лунном парке», могли случиться где угодно. Они были неизбежны и на определенном этапе жизни настигли бы меня, где бы я ни находился.

Название «Лунный парк» не имеет ничего общего с «Луна-парком» (как по ошибке значилось в первом варианте издательского контракта). Название это имеет смысл только для моего сына. Эти два слова завершают книгу, и к тому моменту, надеюсь, заголовок представится самоочевидным и читателю.

Вне зависимости от того, насколько кошмарными покажутся вам описанные здесь события, держа в руках эту книгу, вы должны помнить одно: все это произошло на самом деле, каждое слово – правда.

Что мучило меня больше всего? Никто не знал, что происходит в этом доме, поэтому никто за нас не боялся.

А теперь пришло время вернуться в прошлое.

Четверг, 30 октября

2

Вечеринка

– Да уж, себя самого ты изображаешь отменно.

Джейн произнесла это, оглядев меня со смущенным видом, и без обиняков спросила, кем я буду на вечеринке по поводу Хеллоуина, которую мы устраивали вечером, а я ответил, что решил нарядиться просто «самим собой». На мне были потертые джинсы, сандалии, белая футболка на два размера больше с изображением гигантского цветка марихуаны и миниатюрное соломенное сомбреро. Этими фразами мы обменялись, находясь в спальне размером с просторную квартиру, и, желая прояснить ситуацию, я поднял руки и медленно покрутился, чтобы она могла оценить Брета в полном облиии.

– Я решил не надевать маску, – гордо сказал я. – Желая быть настоящим, милая. Это, что называется, мое официальное лицо.

Продолжая крутиться, я заметил Виктора, золотистого ретривера, который пристально глядел на меня из угла, где лежал, свернувшись калачиком. Он все пялился и вдруг – зевнул.

– Так кем ты, значит, нарядишься? Мексиканцем, борцом за «легалайз»? – спросила она, устав меня разглядывать. – А что я скажу детям про твою прелестную футболочку?

– Если дети спросят, я сам объясню, что...

– Ладно, скажу, что это гардения, – вздохнула она.

– Скажи им просто, что на этот раз Брет проникся духом Хеллоуина больше обычного, – предложил я, все так же кружась с поднятыми руками. – Скажи, что я нарядился рабочим-эмигрантом.

Я игриво схватил Джейн, но она отстранилась довольно резко.

– Отлично, Брет, правда, я так тобой горжусь, – сказала Джейн без намека на искренность и вышла из комнаты.

Пес беспокойно взглянул на меня, неуклюже поднялся и пошел за ней. Где бы я ни находился, он не любил оставаться со мной наедине. Проблемы с собакой начались с тех пор, как я переехал сюда в июле. А поскольку Джейн просто помешалась на книжке «Если бы только они умели говорить» (я думал было, что это памфлет, разоблачающий молодых деятелей Голливуда, но то было исследование зоопарковых животных), она возила пса на гидротерапию, и на иглоукалывание, и к массажисту («Может, личного инструктора ему заведешь», – как-то пробурчал я) и в итоге отправила к собачьему психологу, который прописал клоиникальм, тот же прозак, только для щенков, но, поскольку это лекарство провоцировало приступы «неконтролируемого лизания», его заменили собачьим паксилем (Сара принимала то же лекарство, что всех нас чрезвычайно расстраивало). Но он все равно не любил оставаться со мной наедине.

Устроить вечеринку придумал я. Уже четыре месяца я был «хорошим мальчиком» и заслужил себе праздник. Но поскольку обильные празднества на Хеллоуин были частью моего прошлого (того прошлого, которое Джейн хотела отменить и стереть), мы дружелюбно, даже игриво спорили о кутеже (это мое слово; Джейн использовала термин «вакханалия»), пока – сюрприз – она не сдалась. Я отнес это за счет рассеянности, вызванной предстоящими досъемками в фильме, работа над которым, как она считала, закончилась еще в апреле, однако после того, как фокус-группы показали, что сюжет переполненного курьезами крупнобюджетного триллера попросту непонятен аудитории, на студии решили кое-что подправить. Месяц назад мы ездили в Нью-Йорк смотреть предварительный монтаж, и, между нами, все это вызвало

у меня отвращение, но в лимузине по дороге в «Мерсер» я неумеренно восторгался, пока Джейн не вскипела; глядя прямо перед собой, она процедила: «Заткни свой рот, пожалуйста». Тем вечером в лимузине я понял: Джейн, в сущности, человек простой и закрытый, женщина, которой удача подарила карьеру ошеломляющую, быструю, и беспокойство, которое она испытывала по поводу предстоящих съемок, и было истинной причиной ее уступчивости, позволившей мне закатить вечеринку 30 октября (детский праздник планировался на следующий вечер). Приглашения были разосланы по электронной почте небольшому количеству моих друзей (Джей, который оказался неподалеку в ходе своего промотура; Дэвид Духовны; несколько актеров из «Выживших» последнего сезона; Билл Блок – мой голливудский агент; Кейт Беттс, которая приехала освещать что-то для раздела «Стиль» «Нью-Йорк таймс»; и студенты моего писательского семинара), пришлось также пригласить парочку знакомых Джейн (по большей части – родителей друзей Сары и Робби, которых она и сама терпеть не могла, но позвала в минуту слабости и враждебности; я держал рот на замке). У Джейн был еще один способ саботировать мероприятие: вместо маскарадного костюма она наденет черные слаксы «Туле» и белую блузку от «Гуччи». «Никаких аксессуаров из соломы и кисточек» – таково было ее требование; когда же я стал сетовать на отсутствие у нее праздничного хеллоуиновского настроения, она уступила, выписав из города дорогую компанию по организации праздников. Детей предупредили, что это будет взрослая вечеринка: им будет позволено пошататься первый час, но потом надо будет ложиться спать, коль скоро это четверг, а значит утром – в школу. В последней отчаянной попытке Джейн предложила и меня уложить пораньше, под тем предлогом, что и мне лучше будет поработать подольше, чем тратить силы на вечеринку. Но Джейн никогда не понимала, что вечеринки и были моим рабочим местом. Это был мой свободный рынок, мое поле битвы, там знакомились с друзьями, встречались с любовниками, заключались сделки. На первый взгляд вечеринки могут показаться фривольными, беспорядочными, неформальными, но на самом деле это замысловато структурированные события с четкой, отлаженной хореографией. В мире, в котором я вырос, вечеринка была полем, на котором проходила повседневная жизнь. Когда же я попытался искренне объяснить ей все это, Джейн уставилась на меня, будто я внезапно лишился рассудка.

Я снял сомбреро и осмотрел себя в каскаде зеркал ванной комнаты Джейн (у каждого в семье была собственная ванная), рассматривая под разными углами свою прическу. За день до праздника я покрасил волосы, чтобы скрыть проступившую на висках седину, но больше того боялся, что потихоньку начинаю лысеть, как когда-то отец, хотя Джоэл, мой парикмахер, уверял меня, что неустойчивый волос достался мне по материнской линии. Пока я смотрел на волосы, в голове моей почему-то крутилась фраза «вечер золотой осени», и нравилась она мне настолько, что я решил включить ее в свой новый роман, как только сяду на следующий день поработать над планом. За мной оставался стоячий паровой душ с множеством головок и огромная ванна из итальянского мрамора, которой я восхищался всякий раз, когда оказывался у Джейн; ее необычайный шик что-то задевал во мне, неким образом определял меня нынешнего, то, кем я стал, пусть в то же время и символизировал мое шаткое положение в этом мире. Завершив инспекцию, я вышел из ванной и, прежде чем выключить свет, погладил простыни «Фретте», обтягивающие нашу массивную кровать.

Я спускался по широкой загнутой лестнице, когда в заднем кармане зазвонил телефон. Взглянув на часы «Танк», я проверил номер на дисплее телефона. Это был мой дилер – Кентукки-Пит, и, когда я взял трубку, он сказал, что уже в пути.

Заметка на полях: да, чисто технически – я развязал. У меня был легкий рецидив. Долго ждать не пришлось. Это случилось на студенческой вечеринке, на третьей неделе сентября, если быть точным. Какой-то осел из аспирантуры предложил мне дорожку, потом другую, в обшарпанной ванной общежития, после чего я проглотил двадцать кружек бочкового пива, и студенты кучковались вокруг меня, пока я по-королевски одаривал их историями о своих про-

шлых успехах. Джейн едва ли оставила это без внимания, однако некоторые информационные волны она просто предпочитала не улавливать. И если ее вера в меня слегка споткнулась в начале октября – ощущение того, что идея взять меня обратно обернулась недоразумением, – кризиса процесс еще не достиг. Было видно, что она напугана, но она еще сдерживалась, и ситуация пока не вышла из-под контроля. Я чувствовал, что еще будет время искупить грехи. Но не в Хеллоуин же.

Потому что все было готово к празднику. Спецы по организации торжеств украсили дом так, что он стал похож на огромный заколдованный замок с паутиной, свисающей отовсюду, и пластмассовыми скелетами, и громадных размеров летучими мышами-вампирами, пикирующими с потолка, и стены заливал багровый свет, а в фойе работал стробоскоп. Мой приятель, художник Том Сакс, соорудил упаковочный ящик, который поставили посреди гостиной, и он подрагивал и рычал на всякого, кто к нему приближался. Из колонок на улице доносились звяканье цепей и очень натуральные вопли, а также смех мертвецов. На деревьях раскачивались призраки из белой гофрированной бумаги, и замысловато вырезанные фонари-тыквы яркими точками обозначали каменную тропу, ведущую к дому. И хотя праздник этот был, несомненно, для взрослых, ничего слишком пугающего не происходило на Эльсинор-лейн, 307, – так, невинные шалости, чтоб повеселить гостей. Остерегаясь незваных визитеров, мы наняли двух охранников (один явился Франкенштейном, другой выступал в маске Дика Чейни) и поставили их возле входа за ограждением из бархатного троса, снабдив каждого забрызганным кровью списком приглашенных и рацией. Один из моих студентов взялся снимать вечеринку на видеокамеру.

Я шел мимо кухни, где Джейн совещалась о канаве с девушками из наемной obsługi, несколько вызывающе наряженными кто сексуальными ведьмами, кто чрезвычайно соблазнительными кошечками. За ними сквозь стеклянные раздвижные двери, ведущие на задний двор, видно было, как подсыпают холодный лед в пузырящееся джакузи, где подводное освещение заменили темно-бордовой лампочкой, чтоб было похоже на зловещий котел. Венцом всей декорации было шутейное кладбище, покрывавшее девять акров; от заднего двора до ряда темных деревьев поле было усеяно могильными плитами, а у ближайшей пластмассовый вурдалак вгрызался в резиновое бедро.

В гостиной диджей устанавливал тщательно подобранную саунд-систему напротив шелкографии Энди Уорхола, изображающей меня с пером в руке; я представился, и мы прошлись по списку песен: «Похороны друга/Любовь истекает кровью», «Призрак в тебе», «Триллер», «Колдовская женщина», «Бедовая», «Рианнон», «Сочувствуя дьяволу», «Оборотни в Лондоне», «Девушка-привидение», «Монструозное пюре»⁹, и т. д., и т. п. Диджей уверил меня, что «страшилок» у него достаточно и хватит на всю вечеринку. Напротив расположился бар, в котором председательствовал оборотень, занятый приготовлением специального коктейля: пунша «маргарита» с ароматом мандарина и плавающими зелеными паучками из цедры лайма, который будут черпать огромным черепообразным ковшом (у меня в руках будет банка безалкогольного пива, полная этого самого пунша). На внешней стороне стойки я заметил ряд отрубленных рук.

Дети сидели наверху. Робби с приятелем самозабвенно резались во что-то на второй «Плейстейшн» (зомби с гаубицами, атакующий минотавр, инопланетяне-убийцы, силы ада, «Дай я тебя съем»), а Марта присматривала за Сарой, которая в сотый раз уставилась в мультик

⁹ Имеются в виду песни «Funeral for a Friend/Love Lies Bleeding» Элтона Джона (1973), «The Ghost in You» группы *Psychedelic Furs* (1984), «Thriller» Майкла Джексона (1982), «Witchy Woman» группы *Eagles* (1972), «Evil Woman» группы *Electric Light Orchestra* (1975) – или же одноименная песня *Black Sabbath* (1970), «Rhiannon» группы *Fleetwood Mac* (1975), «Sympathy for the Devil» группы *Rolling Stones* (1968), «Werewolves of London» Уоррена Зивона (1978), «Spooky Girlfriend» Элвиса Костелло (2002), «Monster Mash» Бобби Пикетта (1962) – или же одна из многочисленных кавер-версий: *Beach Boys* (1964), *Bonzo Dog Band* (1969)...

«Чико – койот, которого не так поняли». Поскольку на вечер о них есть кому позаботиться, осталось решить вопрос с собакой. Я заметил, как Виктор без особого интереса обнюхивает одно из множества чучел черных кошек, расставленных по всему дому, и позвал Джейн, чтоб она отвела его в гараж. Минуты две мы с Виктором упражнялись, кто кого переглядит, но тут из кухни вышла Джейн и просто позвала пса, даже не взглянув на меня. Виктор поскакал к Джейн, скалясь и размахивая хвостом, и, когда она его уводила, обернулся и недобро глянул на меня. Оставляю его в покое. У собаки свой мир и свои мотивы, у меня – свои.

Снова зазвонил мобильный. Кентукки-Пит уже приехал, но его не пропускал Франкенштейн, который тут же позвонил мне по интеркому и сообщил, что некто – кого нет в списках, наряженный останками Слима Пикенса¹⁰, – с нетерпением ждет возле бархатного барьера. Я пошел к двери. «Подожди, чувак, я сейчас», – сказал я Питу, сопроводив слова омерзительным натянутым хихиканьем.

С Кентукки-Питом, неунывающим динозавром из семидесятых, меня свел один из моих студентов. Полный, с длинной седой шевелюрой, в сапогах из змеиной кожи, с тату миролюбивого скорпиона (тот улыбался, сжимая в клешне бутылку «Короны») на покрытом язвами от нестерильных игл предплечье, он был полной противоположностью наркоторговцам, которых я знал на Манхэттене: стриженных, симпатичных парней в костюмах от Пола Смита на трех пуговицах, мечтающих «вписаться» в киноиндустрию. Недостаток лоска Кентукки-Пит компенсировал широчайшим ассортиментом: он продавал все – от зеленых капсул супервиколина до привезенного из Европы ксанакса в таблетках по два миллиграмма, от пропитанного РСР крэка и sprыснутых жидкостью для бальзамирования косяков до чудесного чистейшего кокса, который мне, собственно, и был нужен (с парой таблеток ксанакса по два миллиграмма в придачу, естественно, чтобы заснуть спокойно). Джейн застучала его на первой неделе октября, когда мы отвисали в медиакомнате, просматривая DVD «Американского психопата», и я сказал ей, что он – мой студент. Когда она потащила меня на кухню и с недоверием посмотрела в глаза, я уточнил: «Он уже в аспирантуре, милая. Он *аспирант*». (Когда мы встречались с Джейн в восьмидесятых, она употребляла от случая к случаю – бывало, не отказывала себе в удовольствии, но чаще воздерживалась.) Я не хотел, чтоб Джейн видела его сегодня, поэтому надо было разобраться по-быстрому – хотя дом уже погрузился в настолько глубокий и интенсивный пурпур, что она легко могла спутать его с каким-нибудь ряженым. Если Джейн и наткнется на него, придется сказать ей, что это студент в костюме «седого золотоискателя».

Впустив Кентукки-Пита, я несколько поколебался, прежде чем предложить ему «маргариту», быстро провел в свой кабинет, запер дверь и достал кошелек. Все равно он торопился: к восьми ему нужно было успеть в колледж, чтобы продать кучу наркоты разношерстному студенчеству. Когда он попросил у меня трубку в долг, я открыл сейф. Он допил пунш и шумно, с удовлетворением выдохнул, мурлыча под «Время года» в исполнении «Зомби»¹¹.

(«Как тебя зовут? Кто твой папа? Богат ли он? Богат ли он, как я?»)

– А там что? – спросил он, вытягивая шею, и добавил: – Прикольное сомбреро.

– Тут я держу кэш и оружие.

Я залез внутрь и вытащил стеклянную трубку, возвращать которую после использования не следовало ни при каких обстоятельствах. Что мне нужно – это две восьмушки чистого стафа и пара граммов бодяженного для пьяных гостей, которые сядут на хвост, но будут настолько убранными, что и разницы не заметят. После совершения транзакции, в ходе которой я получил скидку в обмен на трубку, я засунул крепко упакованные разноцветные мешочки в карман,

¹⁰ Слим Пикенс (Луи Берт Линдли-мл., 1919–1983) – актер вестернов, наездник родео; особенно запомнился исполнением роли майора Конга в черной комедии Стэнли Кубрика «Доктор Стрейнджлав, или Как я разучился волноваться и полюбил Бомбу» (1964); ему посвящен рассказ Говарда Уолдроп «Ночь черепах», главный герой которого, техасский шериф, носит имя Берт Линдли.

¹¹ То есть «Time of the Season» – песня группы *Zombies*, заключительная на альбоме «Odyssey and Oracle» (1968).

вывел Кентукки-Пита из дома и повел вдоль усеянной тыквами лужайки, пока тот восхищенно оглядывался на искусно декорированный дом.

- Вау, да у тебя тут целая пещера ужасов, – одобрительно пробурчал он.
- Мир полон ужасов, чувак, – поспешно отозвался я, поглядывая на часы.
- И дьявольщины, чувак, всякой чертовщины.

– Сегодня вечером духи будут стонать, старина, – сказал я, маневрируя им в сторону мотоцикла, криво припаркованного на обочине, – у тьмы нет от меня секретов, чувачок. Это мой праздник, и я готов ко всему.

Несмотря на конец октября, бабье лето на сдавалось, и я поеживался, хотя погода была совершенно не осенняя, пока Кентукки-Пит объяснял мне истоки этого праздника: Хеллоуин пошел от кельтского дня Самайн – последнего числа их календаря, единственного дня в году, когда мертвые могли вернуться и «схватить тебя, чувак». И если тебе нужно было выйти из дома, приходилось наряжаться и притворяться мертвецом, чтоб одурачить настоящих мертвецов, чтоб они тебя не трогали. Я кивал и все повторял: «Мертвецы, ага, мертвецы». Из дома доносилось «Время года».

- Адьюс, амиго, – сказал он и газанул.
- Всегда рад встрече, – ответил я, похлопывая его по спине.

После чего вытер ладони о джинсы и понесся обратно в дом, где, закрывшись в кабинете, снюхал две огромные дороги и, облегченно вздохнув, поспешил к бару с пустой банкой из-под безалкогольного пива и заставил оборотня наполнить ее пуншем. Вот теперь я был готов к празднику.

Стали съезжаться гости. Костюмы были все больше предсказуемые: вампиры, прокаженный, Джек Потрошитель, монструозный клоун, двое убийц с топорами, некто, прятavшийся под широкой белой простыней, замаранная мумия, пара дьяволопоклонников, а также несколько фотомоделей и изъеденный чумой крестьянин; все мои студенты, как и ожидалось, нарядились зомби. Некто, кого я не признал, пришел в костюме Патрика Бэйтмена, и меня это нисколько не повеселило, напротив – напрягло; я наблюдал, как этот высокий симпатичный парень в окровавленном костюме от Армани (той, старинной коллекции) слонялся по дому, разглядывая гостей с таким видом, будто они – его добыча, и я тихо бесился, отчего даже кайф пошел на убыль, однако еще одно посещение офиса восстановило мои позиции. Гости стали сбиваться в кружки. Я был вынужден познакомиться с некоторыми из родителей друзей Сары и Робби, мы обсудили очередную национальную трагедию, прежде чем разговор перешел на темы не более волнующие, чем погода на прошлой неделе: дочку не взяли в тот садик, который хотелось, судья в футбольном матче принял несправедливое решение, кто-то хочет организовать книжный клуб, а когда я предложил начать с одной из моих книжек, в ответ услышал смех, каким обычно, что называется, «скрывают неловкость». Джейн изящно сдерживала раздражение, играя радушную хозяйку, а я с нетерпением ждал мистера Макинерни, у него были чтения в городе, и он уже звонил, снова спрашивал адрес. В какой-то момент Джейн потребовала, чтоб я нацепил гитару, хранящуюся в моем кабинете (пережиток прошлого, сувенир студенческих лет, когда я играл в группах и думал, что буду как Пол Вестерберг¹²), чтобы скрыть под ней цветок марихуаны, который, как она заметила, вызвал озабоченные взгляды у некоторых родителей. И вот я уже кручусь по вечеринке и, встречая гостей, бренчу на гитаре – шикарный способ полностью обезоружить студентов, желающих обсудить свои рассказы, что всегда было для меня наименее интересной темой разговора, а уж сегодня мне совсем не хочется слышать: «Мистер Эллис, а вы еще не прочитали „О чем я думал, когда выдавал ему в рот“?» И в сущности, я ни на чем не останавливал свое внимание, пока не появилась Эйми Лайт.

¹² Пол Вестерберг (р. 1959) – лидер *The Replacements* (1979–1991), знаковой группы американского постпанка и инди-рока.

Эйми Лайт была аспиранткой в нашем колледже и, хотя моих занятий не посещала, темой своей диссертации выбрала творчество вашего покорного, к вящему ужасу научного руководителя, который безуспешно пытался ее отговорить. Встретились мы на той вечеринке, когда я развязал. Я возбуждал в ней восхищение, но спокойное и объяснимое, и эта дистанция делала ее куда более соблазнительной, чем толпы психопатов, к которым я привык. Я бросился в омут с головой, что, по-видимому, ее слегка обескуражило. Да, я вступил в юношескую игру, в каких участвовал немало, будучи студентом, и от этого почувствовал себя моложе. Эйми Лайт была гибкой и подвижной, с идеальной фигурой большегрудой тонкокостной девочки, хотя скоро ей должно было исполниться двадцать четыре. Блондинка с пронзительными синими глазами и холодными манерами – стопроцентно мой тип, и я вот уже почти месяц пытался затащить ее в постель, но пока что добился лишь жесткого петтинга – несколько раз в моем кабинете в колледже и однажды у нее на квартире. Она все делала вид, будто ее цели и желания еще не оформились. Подобно многому другому в моей жизни, она просто возникла из ниоткуда.

Они с подружкой стояли у барной стойки и кокетничали с оборотнем; из колонок «Иглз» голосили «Как-нибудь ночью»¹³, и я стал пританцовывать в ее сторону. Заметив мое приближение, она быстро что-то шепнула своей компаньонке – девичий жест, дающий превратное представление о ее невинности, – и тут я возник прямо перед ней, сияющий и покрасневший в багровом свете, и стал вращать бедрами, открывать рот под песню и брэнчать на гитаре. Пригласить ее было рискованно, но, появившись здесь, она рисковала еще больше. Я сдержанно подмигнул.

После того как Эйми представила нас – «Это Мелисса, она ведьма» (и весьма недурственная, между прочим), я осмотрел битком набитую комнату и увидел, как Джейн выводит Дэвида Духовны на улицу, чтобы показать шутейное кладбище.

– Это ты подмигнул, чтобы неловкость преодолеть? – спросила Эйми.

– Хочешь в «горячую тыкву» поиграть? – ответил я вопросом.

– Хорошая футболка, – приподняла она гитару.

– А мне весь твой прикид нравится, – сказал я, осматривая ее с ног до головы. – Кем это ты нарядилась?

– Адвокатом по делу о разводе Сильвии Плат¹⁴.

Я взял ее за руку и обратился к ведьме:

– Вы позволите?

– Брет, – насторожилась Эйми, но руку мою не отпустила.

– Да ладно, нам же надо побеседовать о твоей диссертации.

Она обернулась к подружке и строила умоляющую мину.

Продолжая танцевать под «Иглз», я потянул ее за собой сквозь праздничную сутолоку к ванной и, убедившись, что она не занята, затанцевал ее внутрь и запер дверь. Там царила такая тишина, будто, кроме нас, в доме нет ни души. Она облокотилась о стену – лукавая, легкомысленная, как будто ни при чем. Я сделал длинный глоток из пивной банки и выплюнул зеленого паука.

– А я уж и не думал, что ты придешь, – чуть обиженно сказал я.

– Я и сама не думала... – она помедлила, – но, – вздох, – захотелось тебя увидеть.

Я вытащил грамм и спросил:

– Поправиться не желаешь?

Она уставилась на меня с удивленной улыбкой, скрестив руки на груди.

– Брет, я не думаю, что это хорошая идея.

¹³ «One of These Nights» – песня группы *Eagles*, первая и заглавная на их альбоме 1975 г.

¹⁴ *Сильвия Плат* (1932–1963) – американская поэтесса, жена британского поэта Теда Хьюза, страдала маниакально-депрессивным психозом, приведшим к самоубийству.

– Что это за уклонистские мотивы? – раздраженно спросил я. – Откуда этот пуританизм – из злобного зажатого городишки в Коннектикуте, откуда ты сбежала?

Я занялся граммом и высыпал горку на полку возле раковины.

– Я всего лишь предложил тебе дорожку. Неужели так сложно решиться? – И добавил тоном холостяка: – Кто эта сексапильная подружка?

Она проигнорировала мою тактику.

– Дело не в дорожке.

– Отлично, я тогда и твою уберу.

– Дело в твоей жене.

– В моей жене? Да ладно, я женат-то всего три месяца. Не наседай. Мы пока лишь прощупываем дно...

– Твоя жена здесь, к тому же ты немного не в себе. – Она потянулась за черно-оранжевым полотенцем для рук и промокнула мне лоб.

– Когда это нам мешало? – «печально» спросил я.

– Мешало *чему*? – спросила она с деланным возмущением и тут же сладострастно улыбнулась.

Я согнулся над раковиной и запылесосил обе дороги через соломинку, тут же обернулся и прижал ее, разделяла нас только гитара. Когда я поцеловал ее в губы, они раскрылись без всякого сопротивления. Мы повалились на стену. Я закинул гитару за плечо и все нажимал на Эйми, в джинсах уже пульсировала эрекция, она якобы давала отпор, но не слишком. В какой-то момент с меня свалилось сомбреро.

– Такая ты сладкая, рук не оторвать, – пыхтел я. – Ты когда-нибудь в больничку играла?

Она рассмеялась и вырвалась.

– В любом случае не здесь. – Она поглядела на мою голову. – Что ты сделал с волосами?

Я опять поцеловал ее в губы. И на этот раз она ответила с еще большей готовностью. Нас прервал звонок моего мобильного. Я не стал отвечать. Мы продолжили целоваться, но меня уже захлестывало разочарование – ничего более интересного в этой ванной сегодня не произойдет, – а телефон все вибрировал в заднем кармане, и мне все-таки пришлось на него ответить.

В конце концов Эйми пришлось оттолкнуть меня:

– Ну ладно, хватит.

– На сегодня, – добавил я своим самым сексуальным голосом, но прозвучало это почти как угроза. Все еще обнимая ее, свободной рукой я поднес телефон к уху.

– Йо! – начал я, проверяя входящий номер.

– Это я, – сказал Джей, но его было еле слышно.

– Ну и где ты? – заскулил я. – Боже мой, Джей, что ты за мудашка-потеряшка.

– Как это, где я?

– Можно подумать, ты на какой-то вечеринке. – Я сделал паузу. – Только не говори, что на твои дурацкие чтения пришло столько народу.

– Открой дверь, и сразу поймешь, где я, – был его ответ.

– Какую дверь?

– За которой ты заперся, придурок.

– А-а. – Я повернулся к Эйми. – Это Джейстер.

– Может, сначала меня выпустишь? – предложила Эйми, поспешив к зеркалу проверить, все ли на месте.

Но я был под кайфом, мне было все равно, и я открыл дверь, за которой стоял Джей: по моде взъерошенные волосы, черные слаксы и оранжевая строгая рубашка от Гельмута Ланга.

– Я сразу решил поискать тебя в ванной. – Он перевел взгляд на Эйми и, одобительно ее оглядев, добавил: – Это его обычное место дислокации.

– У меня слабый мочевой пузырь, – пожал я плечами и нагнулся в поисках сомбреро.

– А кроме того, у тебя, – Джей протянул руку и дотронулся до моего носа, – над верхней губой то, что я надеюсь и в то же время боюсь назвать детской присыпкой.

Я нагнулся к зеркалу, стер остатки кокса, после чего надвинул сомбреро самым, на мой взгляд, залихватским образом.

– Ах да, проклятие гениев: творчество и деструктивность, понимаю, – произнес Джей, заставив Эйми прыснуть от хохота.

– Джей Макинерни, Эйми Лайт. – Я снова навис над зеркалом, осматривая нос.

– Я большая поклонница... – начала Эйми.

– Эй, потише, – нахмурился я. – Эйми учится в колледже и пишет диссертацию по *мне*.

– Вот оно что, ну, тогда это объясняет... все, – сказал Джей, обводя ванную взглядом.

Эйми нервно отвернулась.

– Приятно было познакомиться, но мне нужно идти.

– Хочешь дернуть? – спросил я у Джея, перекрывая Эйми выход.

– Мне правда нужно идти, – сказала Эйми уже более настойчиво и протиснулась к двери, после чего я последний раз взглянул в зеркало и закрыл дверь ванной.

В коридоре к нам троим внезапно приблизилась очень высокая и чрезвычайно сексуальная кошечка с подносом начо. Я резко вытянул гитару из-за спины и чуть не заехал ей грифом, но она вовремя увернулась. Дом теперь качал Стиви Уандер и его «Суеверие»¹⁵.

– Мяу, – сказал Джей и взял пропитанный сыром чипс.

– Увидимся завтра, – пробормотала Эйми.

Я кивнул и стал смотреть, как она идет к своей подружке, все еще болтающей с оборотнем.

– Эй, – окликнул я, – продолжай веселиться!

Я все пялился, пока не стало очевидно, что она уже не обернется.

Джей вывел меня из забытья, указав на кошку с начо.

– Насколько я понял, ты как никогда далек от мыслей о еде.

– Хочешь дернуть? – невольно прошептал я ему на ухо.

– Хоть ты и заладил как попугай, это, пожалуй, действительно единственная причина, по которой стоило сюда приходить. – Пока он оглядывал затемненную гостиную, мимо нас прошел мужчина, одетый как Анна Николь Смит¹⁶, и закрылся в ванной. – Но как насчет местечка поукромнее?

– Следуйте за мной, – сказал я и, заметив, что он берет очередное начо, рявкнул: – И хватит флиртовать с прислугой!

Но мы были в западне. Мы шушукались по углам, и я строил планы, как пробраться в свой кабинет так, чтоб не заметила Джейн; она уже вернулась и теперь представляла Дэвида Духовны семейству Аллен, нашим соседям и жутким занудам, а необходимость осуществить задуманное критически возросла, так остро мне требовалась дорожка («Гараж, – вдруг сообразил я, – *гараж*»), и тут я почувствовал, как кто-то тянет меня за гитару. Я посмотрел вниз – это была Сара.

– Папа? – нахмурившись, позвала Сара, одетая в футболочку с надписью «Малышка».

– И кто это такой? – сладким голосом спросил Джей, присев на корточки.

– Папа, – снова сказала Сара, не обращая внимания на Джея.

– Она зовет тебя папой? – обеспокоенно спросил Джей.

– Работаем над вопросом, – сказал я. – Что такое, малышка?

¹⁵ «Superstition» – суперхит Стиви Уандера с альбома «Talking Book» (1972).

¹⁶ Анна Николь Смит (Викки Линн Хоган, 1967–2007) – американская актриса и фотомодель, «девушка года» «Плейбоя» в 1992 г.

Марта на краю гостиной вытягивала шею.

– Папа, Терби взбесился, – сказала Сара и надула губки.

Терби – игрушечная птица, которую я купил Саре в августе на день рождения. Монструозная и чрезвычайно популярная игрушка, о которой она мечтала, казалась нам настолько дурной и нелепой – черно-малиновое оперение, выпученные глазки, острый желтый клюв, из которого постоянно доносились булькающие звуки, – что и я, и Джейн отказывались покупать ее, пока мольбы Сары не пересилили всякие увещевания. Поскольку гадость эту повсюду уже распродали, я воспользовался услугами Кентукки-Пита, опытного скупщика контрабанды, и он достал птицу, как сказал мне, из Мексики.

– Терби взбесился, – снова прохныкала Сара.

– Ну, успокой его, – сказал я, оглядываясь по сторонам, – отнеси ему начо, может, он проголодался.

– Терби говорит, что слишком громко, и он сердится. – Она скрестила руки, изображая недовольного ребенка.

– Ладно, малышка, мы с ним разберемся.

Я встал на цыпочки и, помахав Марте, указал вниз и проартикулировал: *она здесь*. Успокоившись, Марта стала пробиваться к нам сквозь массу тел.

И вдруг Сару окружили со всех сторон. Я заметил, что обожаемые дети имеют особое влияние. Оставь их в комнате, полной взрослых, и на них тут же сойдется клином весь свет. Девушки с моего семинара и несколько кошечек-официанток наклонились к ней и принялись задавать разные вопросы кукольными голосочками, и Сара уже позабыла про Терби, а я потянул Макинерни в сторону.

Прелестная малышка купалась в лучах всеобщего внимания, в то время как «Не бойся старухи с косой»¹⁷ гремела на весь дом – тревожный момент, но он-то и дал мне возможность ускользнуть.

Я повел Джея по длинному коридору, ведущему в гараж, и он сказал:

– Резво ты разобрался.

– Джей, девочке шесть лет, и она думает, что ее игрушка – живая, – раздраженно ответил я, – так что же ты – предпочтешь остаться на разбор полетов или все-таки заткнешь пасть и мы снюхаем по дорожке?

– Ты правда так и не научился?

– Чему? Вечерину забацать?

– Нет. Быть мужем. Отцом.

– Ну, мужем еще ничего, но вот отцом – довольно жестко, – ответил я. – «Папа, можно мне соку?» «Может, водички, малыш?» «Пап?» «Да». «Можно мне соку?» «Может, лучше водички, малыш?» «Пап, можно мне соку?» «Хорошо, малыш, хочешь соку?» «Да нет, давай водички». Такое ощущение, будто без конца репетируешь пьесу гребаного Беккета.

Джей ничего не сказал, только мрачно на меня посмотрел.

– Да ладно, я даже книжку купил, – беспечно продолжил я, – «Отцовство для чайников», и, знаешь, помогает, даже очень. Если б только мой отец...

– Так, понятно, что за вечерок ты мне заготовил.

– Да ладно, а как прошли чтения? – спросил я, переключив передачу.

– Мне понравился ваш городишко, – уклончиво ответил Джей, и я понял, что мероприятие, по-видимому, провалилось. Не будь я вставленный, я бы уцепился за эту тему, но под кайфом – отпустил.

Я открыл дверь, запустил Джея внутрь и оглянулся посмотреть, не шел ли кто за нами. Закрывшись на замок, я включил флюоресцентную лампу. В гараже на четыре машины сто-

¹⁷ «(Don't Fear) The Reaper» – песня группы *Blue Öyster Cult* с альбома «*Agents of Fortune*» (1976).

яли мой «порше», «рейнджровер» Джейн и мотоцикл, который я недавно купил на авторские, неожиданно поступившие из Швеции. Тут я заметил несчастного ретривера, который лежал в углу, свернувшись под Роббиным велосипедом. На Джея Виктор едва взглянул.

– Не обращай внимания на собаку, – сказал я.

– Ну да, у тебя ж нездоровые отношения с животными, я забыл.

– Да ладно, я три месяца встречался с Патти О’Брайен. – И добавил: – Готов ли ты к легкому *экипену*?

– Безусловно. – Джей с нетерпением потер ладони.

– Я взял нам чистейшего боливийского походного порошка, – мямлил я, роясь по карманам.

– О-о – перхоть дьявола.

Я быстро обнаружил заначку и дал пакет Джею. Тот открыл его, пристально рассмотрел порошок, положил его на капот «порше» и принялся скручивать из двадцатки тонкую зеленую соломинку.

Сделав себе две огромные дороги из собственного грамма, я захотел похвастаться новым мотоциклом.

– Ну-ка, Джейстер, зацени. «Ямаха игрек-два-эф эр-ай». Сто пятьдесят лошадиных сил. Максимальная скорость – почти двести семьдесят километров в час, – мурлыкал я.

– И почему?

– Всего десять штук.

– Неплохое вложение. А что случилось с «дукати»?

– Пришлось продать. Джейн казалось, что он настраивает Робби на дурные мысли. Я возражал, мол, этому парню вообще все побоку, но она и слушать не желала.

– Как отец, как...

– Хватит пыхтеть, поработай лучше носом.

Джей сделал дорожку и скорчил гримасу. Прошла минута.

– В чем дело? – спросил я.

– Уж слишком много в этой соде слабительного.

– Упс, оплошечка.

Я забрал у Джея разбодяженный стаф, развернул пакет и выдал ему нормальный грамм.

– И где он, твой дилер? – спросил он, все еще гримасничая, облизывая губы.

– Поехал в колледж. А что? – удивился я. – Только, пожалуйста, не нагадь в нашем гараже.

– Значит, и поменять этот кал не получится? – сказал он, открывая новый пакет. – Сука-а!

– Это говно для убранных лохов, которые и разницы не заметят, – теперь попробуй реального стафа.

– Дешево работаешь, – пробурчал он, сделал две дороги, закинул голову и, медленно улыбнувшись, произнес: – Вот так-то лучше.

– Для кореша – что хошь.

– Ну, рассказывай, как женатая жизнь? – спросил он, прикуривая «Мальборо» и пускаясь в расслабленную кокаиновую болтовню. – Жена, дети, престижный райончик?

– Да, полный провал, а? – делано захихикал я.

– Нет, правда. – Джею и впрямь было слегка интересно.

– Женатая жизнь – это здорово, – сказал я, снова открывая свой пакетик. – Нелимитированный секс. Шутки-прибаутки. Ну и, конечно, постоянное дружеское общение. Мне кажется, я уже многому научился.

– А непременно студенточка в ванной?

– Это так – часть обстановки нашей Каза Эллис. – Я снюхал еще и вытащил сигарету.

– Нет, серьезно, кто она? – спросил он, поднося зажигалку. – Говорят, что в колледжах нынче «поразительные» женщины.

– Поразительные? Так тебе и сказали?
– Ну, это я в журнале прочитал. И мне захотелось поверить.
– Джейстер. Ты всегда был мечтателем.
– Для меня это такое облегчение. Я знал, что жизнь за городом пойдет тебе на пользу. Да, кстати, – он указал на свисающий с балки пластмассовый скелет, – у вас всегда так нарядно?
– Да, Джейн так очень нравится.

Помолчали.

– А ты все спишь на диване?
– Это спальня для гостей, и это всего лишь период такой – но погоди, ты-то откуда знаешь?

Он затаился сигаретой, раздумывая, говорить ли мне вообще что-нибудь.

– Джей! – настаивал я. – Почему ты решил, что я сплю в гостевой?
– Хелен сказала. Джейн как-то обмолвилась, что у тебя бывают дурные сны.
– Мне уже вообще ничего не снится, – сказал я, с облегчением воспользовавшись предложенной лазейкой.

Однако лицо Джея заставило меня понять: это далеко не все, что ему рассказали.

– Ну да, мы ходим на совместные консультации к психологу, – признался я. – Помогает. Джей воспринял инфо.
– Консультации у психолога, – задумчиво покивал он, – после трех месяцев совместной жизни? Ничего хорошего это не предвещает, друг мой.

– Джейстер, спустись на землю! Мы знакомы уже больше двенадцати лет. Это ж не то что мы встретились в июле и решили вместе убежать. – Я помолчал. – И откуда, черт побери, ты знаешь, что я сплю в гостевой комнате?

– Видишь, Бретстер, Джейн звонила Хелен. – Он сделал паузу, чтоб занюхать еще одну дорожку. – Я решил, что неплохо бы тебя предупредить.

– О боже, и зачем Джейн звонить твоей жене? – Я постарался бросить этот вопрос как ни в чем не бывало, но вместо этого затрясся в кокаиновой паранойе.

– Она беспокоится, что ты снова стал употреблять, и, похоже, – Джей махнул рукой, – она ошибается... верно?

– Мне казалось, затрапезную иронию мы уже переросли. Разве мы не решили завязать притворяться двадцатидвухлетними?

– Ты рассекаешь в футболке с марихуаной на собственной хеллоуинской вечеринке и запираешься в ванной со студенткой, так что ответом на твой вопрос безусловно будет – ни фига.

Собаке внезапно все это надоело, она стала лаять, чтоб мы освободили гараж от своего присутствия.

– На этой мажорной ноте, – сказал я, – мы возвращаемся к празднику.

Мы вернулись в лабиринт и, пробираясь сквозь темноту, я нервно подрагивал. В комнатах, казалось, народу было еще больше прежнего, во дворе люди купались в бассейне. Сообразив, что на вечеринку без всякого приглашения слетелась куча ребяташек из колледжа, я забеспокоился, что об этом подумает Джейн. Коридор был забит настолько, что нам с Джеем пришлось протискиваться через кухню, дабы попасть в гостиную за выпивкой, где знакомый рифф из «Жизнь была так хороша»¹⁸ Джо Уолша грянул так, что я спазматически задержался, играя на воображаемой гитаре. Джей изобразил подобающую усмешку. По гостиной распространялся сладостный аромат хэша. Из-за кокаина сердце мое билось в два раза быстрее, зрение приобрело кристальную ясность, мне хотелось, чтоб все были друзьями. Тут я заметил

¹⁸ «Life's Been Good» – заключительная композиция с сольного альбома «But Seriously Folks» (1978) гитариста *Eagles* Джо Уолша.

Робби, разгуливающего в футболке с Кидом Роком и мешковатых джинсах, небрежно притянул его за шею и развернул к нам лицом.

– Ну что, умаялся небось со второго этажа-то спускаться?

Робби пожал плечами, а я представил его Джею и выдал обоим по «маргарите», которую Робби взял так неохотно, что мне пришлось в шутку дать ему подзатыльник, чтоб он хоть отпил. Между Робби и Джеем завязался тот бессмысленный разговор, какой обычно происходит между одиннадцатилетним подростком и мужчиной под пятьдесят. Робби принял свою обычную позу в разговоре со взрослым: ты для меня ничего не значишь. Я заметил, что в руках он сжимает бейсболку с изображением поверхности луны.

И вдруг кто-то снова потянул за гитару. Сара. Опять.

Я закатил глаза и пробурчал себе под нос проклятие. Посмотрев на нее, я охнул: она была в маленьких очаровательных трусиках.

– Пожалуйста – современные дети, – сказал я Джею, указывая на Робби и Сару. – Она предпочитает гламур, а в этом сезоне розовый чрезвычайно популярен среди шестилетних. Робби в белых цветах хип-хопа, и теперь он уже официально – твин.

– Твин? – переспросил Джей, нагнулся ко мне и прошептал: – Это ведь не то же, что педераст?

– Нет, твин – это уже не ребенок, но еще не тинейджер, – объяснил я.

– Боже мой, – пробурчал Джей. – Нет, ну все предусмотрели, смотри-ка!

Сару наш разговор не отпугнул.

– Папа?

– Да, малыш, почему ты еще не в кровати? Где Марта?

– Терби все злится.

– И на кого же он злится?

– Он меня поцарапал.

Она вытянула ручку, и я прищурился в багровой полутьме, но так ничего и не разглядел. Все это становилось невыносимым.

– Робби, отведи сестренку наверх. Ты знаешь, что ей нужно спать по двенадцать часов, уже поздно. По всем правилам вы уже должны быть в кровати.

– А можно мне потом спуститься? – спросил он.

– Нет, нельзя, – отрезал я, заметив, что половины «маргариты» уже нету. – А где твой друг?

– Эштон принял зипрекса и заснул, – сказал он безучастно.

– Что ж, полагаю, и тебе он не повредит, приятель, ведь завтра в школу.

– Но ведь сегодня Хеллоуин. Что такого?

– Эй, я сказал, в кровать, кутила. Осспади, дети требуют к себе столько внимания.

– Папа! – снова крикнула Сара.

– Малышка, пора идти в кровать.

– Но Терби *летает*.

– А ты тогда и его уложи.

Робби закатил глаза и продолжил посасывать «маргариту». Что-то застряло у него в зубах, он вытащил зеленого паучка и стал пристально разглядывать, как будто это что-то для него значило.

– Терби злится, – снова заныла Сара и стала тянуть гитару, пока я не присел на корточки рядом с ней.

– Я знаю, малыш, – мягко сказал я. – Он, кажется, совершенно не в себе.

– Он на потолке.

– Давай-ка позовем маму. Она его снимет.

– Но ведь он на *потолке*.

– Тогда я возьму швабру и собью его оттуда. Боже мой, где же Марта?

– Он хотел меня укусить.

– Может, он хотел, чтоб ты почистила зубки и легла спать?

Внезапно за и надо мной показалась Джейн, она разговаривала с Джем, но из-за музыки я не мог разобрать ни слова. Оба смотрели на меня неодобрительно, а когда я потянулся к ней и встал, все еще держа Сару за руку, она извинилась перед Джем и пронзила меня испепеляющим взглядом. Я вдруг увидел себя обильно потеющим и размахивающим сигаретой. В комнате было столько народу, что нас практически прижали друг к другу.

– Ты в порядке? – произнесла она, но не как вопрос, а как утверждение.

– Конечно, милая, а что мне станется? – Я звучно шмыгнул носом. – Мощная получилась вечеринка. Но вот твоя дочь...

– Ты такой разговорчивый, все время шмыгаешь носом, – она уставилась мне прямо в глаза, – и потеешь сверх меры.

Сара снова потянула меня за руку.

– Это потому, что мне весело.

– Взгляни вокруг, к тебе пожаловало полколледжа, и все уже напраздновались до полной потери сознания.

– Милая, займись своей дочерью – на нее напала игрушка.

– Гости жалуются на громкую музыку, – добавила Джейн.

– Только твои гости, *chica*¹⁹. – Я запнулся. – Кроме того, я тебя отлично слышу.

– *Chica*? Ты назвал меня *chica*?

– Послушай, если ты не хочешь быть общительной и, будучи хозяйкой вечеринки, не в состоянии сохранять демоническое спокойствие... – Тут я понял, что ласкаю пакетик со сладким попкорном.

– Наш бассейн кишит студентами, Брет.

– Знаю, – сказал я. – Ну и что. Пусть купаются.

– Боже мой, Джей в кашу – и ты тоже.

– Джей занимается ритмической гимнастикой, – возмущенно возразил я, – он не употребляет.

– А ты, Брет, – спросила она, – ты употребляешь?

– Послушай, не так-то просто быть величайшим писателем Америки до сорока. Это большая душевная работа.

Она бросила на меня уничтожающий взгляд.

– Я восхищаюсь твоим мужеством.

– Может, займешься дочкой, пожалуйста.

– А почему бы тебе самому ею не заняться. Она же *тебя* за руку держит.

– А кто же будет встречать моих таинственных гостей и...

Джейн отошла, не дав мне договорить, и стала болтать с Зорро, который в реальной жизни играл на замене в прошлогоднем «Выжившем»²⁰.

Я подтащил Сару к Джейн.

– Слушай, уложи-ка Сару в кровать, – попросил я уже без шуток.

– Сам уложи, – ответила она, не обернувшись. Мгновение спустя, заметив, что я еще стою, добавила: – Свали в туман.

Сара не захотела возвращаться в свою комнату – ей было страшно, поэтому Марта препроводила нас в спальню. Кокаиновые волны накатывали на меня, в то время как «Рамонес» пели: «Не хочу лежать на кладбище домашних животных / Не хочу я снова жизнью жить

¹⁹ Малышка (*исп.*).

²⁰ Американское реалити-шоу, выходит с 2000 г.

такой»²¹, и, наткнувшись на компанию пляшущих студентов, я заметил, что фальшивый Патрик Бэйтмен еще здесь, и вдруг почувствовал, что вечеринка уже на грани и вот-вот выйдет из-под контроля. Что-то во мне упало и разбилось – момент чистого, почти животного отчаяния, – и мне срочно понадобилось нюхнуть. Я обернулся на толпу. Джея прибило к знаменитостям – моей жене и Дэвиду Духовны, – а Робби исчез. Я же пошел по изогнутой лестнице на второй этаж посмотреть, что там, в комнате Сары, чтобы под предлогом расследования инцидента с Терби сделать еще дорожку.

Наверху стояла такая тишина, что звуки вечеринки были едва различимы; таких вот размеров был наш дом. А кроме того, было ужасно холодно, и я непроизвольно поежился, проходя по темному коридору. В комнате Робби его друг почивал на огромной, кингсайз, кровати, а широкоэкранный телевизор, единственный источник освещения в комнате моего сына, показывал фильм Стивена Спилберга «1941» (часто мелькавший в последнее время). Я пошел дальше по коридору и остановился у окна во всю стену, выходившего во двор: кто купался в подогревом бассейне, кто развалился на шезлонгах. Студенты кучковались на шутейном кладбище, передавая друг другу косяк, другие ползали на карачках вокруг надгробий. И вот что я еще увидел: над кладбищем висела луна, и лунный свет растекался по полю, а со стороны леса накатывалась дымка и плыла в сторону дома. Мне резко захотелось занюхать еще, да побольше, и спуститься к студентам, как что-то за моей спиной вспыхнуло и потухло – то было стенное бра, железное с золотым ободком, каких висел целый ряд по обеим сторонам коридора на высоте примерно метр восемьдесят от пола. Сегодня почему-то все они были выключены.

Когда я повернулся к бра, оно снова зажглось и погасло тут же, как я прошел. То же произошло и со вторым светильником, и с третьим: когда я приближался, он начинал мигать, я отходил – и он гас снова, как будто они освещали мой путь по темному коридору. Я стал подхихикивать над тем, что казалось мне легкой галлюцинацией, но поскольку то же происходило с каждым светильником, к которому я приближался, надежда, что это наркотическое видение, теряла всякую почву. Поэтому я решил, что все это из-за сложной ситуации с электричеством в связи с вечеринкой – пурпурные фонари и удлинители по всему дому перегрузили проводку. Так убеждал я себя, направляясь к темной комнате Сары.

Первое, что бросилось мне в глаза: в открытом окне на теплом ночном ветру колыхались занавески. Я включил свет, вошел в комнату, оформленную в стиле французской загородной виллы, и выглянул в окно. Гитара мешала мне принять положение, дающее хороший обзор, поэтому я снял ее и аккуратно положил на обитый воловьей шкурой пол. Внизу я видел, как охранники болтают с двумя явившимися без приглашения девицами и все четверо смеются и жестикулируют, мягко касаясь друг друга, и я понял, что девушки уже были внутри и теперь просто флиртуют с парнями на входе.

Кроме того, я заметил вереницу машин, запрудивших Эльсинор-лейн, идвигающуюся между ними высокую фигуру в костюме. Я вздохнул и, чтоб разглядеть получше, высунул голову еще дальше из окна. Фигура обернулась, как будто знала, что за ней наблюдают, и я успел разглядеть лицо парня, явившегося Патриком Бэйтменом. Я даже вздрогнул от облегчения, что он уходит; опять-таки звоночек – пора поправиться. (Шутник, тоже мне, бурчал я себе под нос; да просто неожиданный элемент, который материализуется на всякой вечеринке, успокаивал я себя.) Когда я закрыл окно и обернулся, все, что было особенного, причудливого в девчачьей, полной спокойствия и цветных мелков комнате, необъяснимым образом исчезло.

Из видимых повреждений сначала я заметил только, что книжный стеллажик лежит ничком на полу. Я присел на корточки, приставил тот обратно к стене и принялся запихивать книжки, игрушки, все без разбору, как вдруг вспомнил слова Сары и медленно перевел взгляд

²¹ «Pet Sematary» – песня группы *Ramones*, написанная для фильма по одноименному роману Стивена Кинга; вошла в их альбом «Brain Drain» (1989).

на потолок. Прямо над изголовьем виднелись следы. Сначала я не был уверен, но, приблизившись, разглядел, что следы эти походили на царапины – как будто что-то ползло по потолку, цепляясь за него когтями. Я зашарил по карманам в поисках кокса. Посмотрел на кровать. И тут я увидел подушку. Подушка была разодрана надвое, как будто кто-то закогтил ее (да-да, именно это слово первым пришло мне на ум: *закогтил*) и раскидал перья по всей постели. Подушка выглядела так, будто на нее, ну да, напали; наволочка изорвана на мелкие кусочки, как если б кто-то нанес ей сотни ножевых ударов, а когда я с неохотой потрогал подушку, то сразу отскочил – она была влажная. Отдернув *влажный* указательный палец, я моментально вытер руки о джинсы и принял решение спуститься вниз и на остаток вечера запереться в кабинете. Пусть с этим разбираются Джейн с Мартой. Сначала я подумал, что беспокойная дочурка Джейн сама все это устроила, и решил оставить подушку в качестве вещдока.

Но когда я повернулся к выходу, там сидел он – Терби. Невинно так сидел возле двери. Мне казалось, что, входя в комнату, я его не заметил, а он, значит, сидел там, поджидал, весь в черно-малиновых перышках, с желтыми кукольными глазами навывкат и блестящим острым клювом. Тут я понял, что, покидая комнату, мне придется пройти мимо него, и мне слегка сжужело. Сделав шаг, я осторожно, как будто она живая, приблизился к птице, и она вдруг пошевелилась. Пошатываясь на когтях, она направилась ко мне.

Я глубоко вздохнул и отпрянул.

Перепугался я совсем ненадолго, пока не понял, что игрушку просто оставили включенной. Собравшись с духом, я подошел снова. Движения ее были настолько неуклюжими и механическими, что я даже стал посмеиваться над своим испугом. Булькающие звуки, которые она издавала, казались теперь настолько статичными и неживыми – от птичьей аномалии я ожидал совсем не таких.

Я вздохнул. Нужно принять ксанакс, спуститься в кабинет, добить, наверное, грамм, выпить еще одну «маргариту» и отдохнуть в одиночестве. Таков был мой план. Меня переполняло облегчение, я все подхихикивал над собой – как это сочетание кокса и современной игрушки задело во мне какую-то неприятную струну, и отвратительное ощущение это рассеялось полностью, как только я наклонился и взял птицу в руки. Повернув ее, я убедился, что красный огонек на затылке мигает, и это значит, что игрушка включена. Я шелкнул крошечным тумблером и выключил Терби. Игрушка издала легкое жужжание и обмякла. Положив ее на кровать рядом с изуродованной подушкой, я понял, что она теплая, а под перьями у нее что-то пульсирует. В комнате повисла мертвая тишина, хотя этажом ниже выплясывала толпа. Мне вдруг ужасно захотелось выбраться оттуда.

Повернувшись к выходу, я услышал высокую чистую ноту, обернувшуюся гортанным криком, – звук исходил от кровати, – и волна адреналина захлестнула меня и расплескалась на всю сумрачную комнату. Не оборачиваясь, я ринулся по коридору мимо бра, мигавших и угасавших по мере моего приближения, и, споткнувшись о ступеньку изогнутой лестницы, которая вела меня в неприкосновенные покои кабинета, понял, что вечеринка для меня закончена.

Пятница, 31 октября

3

Утро

Проснувшись в спальне для гостей без малейшего понятия о том, как я туда попал, я не стал паниковать, а принял это как должное, потому что спальня эта фигурировала в моей жизни с регулярностью, которую я все еще не находил тревожной. Где-то в доме залаял Виктор, часы на ночном столике показывали 7.15. Я застонал и зарылся поглубже в подушку (она была влажная; я опять плакал во сне), но тут же сел, подкинутый пониманием того, что предстоящим утром мне необходимо кое-что доказать: я – человек ответственный, не наркоман, я завязал. Но встать я не смог по причине тяжелого бодуна и его вечной спутницы – похотливости: болезненная эрекция растягивала трусы, и я беспомощно смотрел на нее, неспособный решить вопрос. В конце концов я устался на себя в зеркало гостевой ванной. Изможденное и обезвоженное лицо мужчины на десять лет старше, глаза красные настолько, что не видно радужки. Я стал с жадностью глотать воду из-под крана, после чего, решив, что надо выглядеть как можно приличнее, стянул футболку с цветком марихуаны и надел ее, вывернув наизнанку. Поскольку джинсы свои я так и не нашел, пришлось обернуться простыней. Тихо, как призрак, я вышел из комнаты.

С трудом пробираясь в кухню, я встретил Розу, нашу экономку, она пылесосила гостиную, а я пошел по пепельным следам, оставленным на бежевом ковровом покрытии, которое сегодня казалось темнее и истрепаннее обычного. Проходя на цыпочках по гостиной, призрак подивился необычному положению мебели. Готовясь к вечеринке, мы переставили разъемную кушетку, стулья «Ле Корбюзье» и стол «Имес», однако теперешнее их положение показалось мне странно знакомым. Я хотел понять причину, однако звук пылесоса, наложенный на лай Виктора, заставил призрака побыстрее двигаться по направлению к кухне.

В «Молве» наш дом обозвали «Мак-особняк»²²: две восемьсот квадратных метров в быстро развивающемся зажиточном пригороде, а ведь дом 307 по Эльсинор-лейн не был даже самым большим в округе, он просто соответствовал общепринятым в этих краях стандартам изобилия. В «Эль-Декор» его архитектуру описали как «минималистскую эклектику с упором на испанское возрождение», но с «элементами французского шато середины века с примесью модернизма шестидесятых, распространенного в Палм-Спрингз» (попробуйте вообразить себе подобное, без пол-литра не разберешь). Непринужденный в своей великолепии интерьер успокаивающих песочно-пшеничных, лилейно-мучных тонов, искусно подобранная мебель, не загромождавшая пространство. В доме было четыре спальни с высокими потолками, половину второго этажа занимал огромный холл, где располагались камин, небольшой бар, рефрижератор, два стальных шкафа выше человеческого роста по 50 квадратных метров каждый и жалюзи, исчезающие под потолком, а в обеих прилегающих уборных стояли гигантские ванны на уровне пола. Также имелся оборудованный по последнему слову спортзал, где я изредка занимался вполсилы и где персональный тренер Клаус помогал Джейн ваять ее безупречное тело. В располагающей к непринужденным позам медиакомнате находились плазменная панель почти во всю стену и система объемного звучания и сотни DVD, расставленных по полочкам в алфавитном порядке по обеим сторонам экрана, а также антикварный бильярдный стол красного

²² McMansion (англ.) – уничижительное прозвище домов, размером напоминающих особняк, а типовой безликостью фасадов – «Макдональдс».

сукна. Помещения перетекали одно в другое: большие, тщательно спроектированные незаполненные пространства сливались в единое целое, чтобы дом казался еще больше, чем был на самом деле.

Призрак проплыл по направлению к кухне, или «семейному генштабу», настоящему чуду дизайнера: сплошная нержавеющая сталь и плоскости из бразильского бетона, вся техника «Термадор», холодильник «Суб-зеро», две посудомоечные машины, две плиты с бесшумными вентиляторами, две раковины, кулер для вина, морозильник, и окно во всю стену, выходящее на бассейн олимпийских размеров (без перил, поскольку и Сара, и Робби уже отлично плавали), и на джакузи, и на ярко-зеленую лужайку, которую ограждал просторный, ухоженный сад, весь в цветах, названия которых я не знал, а за садом поляна, а за поляной – лес. Обломков праздника призрак не заметил. Кухня была в безупречном состоянии. Смущенный призрак устоялся на вазу свежих тюльпанов, стоящую в центре обеденного стола.

Марта была уже здесь и химичила с кофеваркой «Гаджа», в то время как элегантный похмельный призрак в облачении из простыни «Фретте» слонялся по кухне и, незаметно приложив горящий лоб к дверце винного кулера (призрак с горечью заметил, что кулер пуст), бухнулся наконец на стул возле гигантского круглого стола в дальнем конце комнаты. С Мартой, умышленно непривлекательной дамой за тридцать, Джейн подружилась во время съемок в Эл-Эй. Та была верной и благоразумной и без видимых усилий решала за Джейн все домашние вопросы – одна из тысяч дочерей города-мечты, настолько привязанная к знаменитости и преданная делу удовлетворения ее потребностей, что последовала за ней через всю страну, дабы поселиться в этой незнакомой холодной местности. До Джейн она работала у Пенни Маршалл, Мег Райан и, недолго, у Джулии Робертс и обладала сверхъестественной способностью превосходить любое желание знаменитости в любой момент времени. Кроме того, ее слушали дети, что серьезно облегчало жизнь их матери. Безграничное доверие Джейн служило Марте и стимулом, и целью, оно льстило ее самолюбию и давало средства к существованию. Такое ее положение было максимально близким к мечте о собственной знаменитости, поэтому к работе своей Марта относилась со всей серьезностью. Однако на меня она наводила тоску, ведь, вращаясь в определенных кругах, я видел тысячи таких вот Март – женщин (и мужчин), подчинивших себя служению знаменитости, упразднивших собственный мир. В городе у нее была квартирka, за которую платила Джейн. (Я не знал ее адреса, видел только, как каждый вечер тихий папа из Сальвадора забирал ее с Эльсинор-лейн, чтобы на рассвете привезти обратно.)

Призрак хотел кофе.

Вдруг Марта поставила перед ним чашку «гермесовского» фарфора, полную дымящегося эспresso с молоком, и призрак промямлил слова благодарности, а Марта направилась к соковыжималке и принялась давить апельсины. Растянувшись на стуле и уставившись на медные сковороды, свисавшие с полки над островком посреди кухни, призрак с угрюмым видом потягивал кофе, затем опустил взгляд на «Дейли взрайети», лежащую поверх «Нью-Йорк таймс» и приложений к «Лос-Анджелес таймс» и «Голливуд репортер». Услышав голоса сверху, я глубоко вздохнул и потянулся за местной газетой, готовясь к встрече, поскольку я все еще – даже не с бодуна – так и не приспособился к расписанию, которого придерживались обитатели этого дома. Марта пошла за Сарой (та занималась вторым иностранным по карточкам), а я поднялся и налил себе большой стакан свежавыжатого апельсинового сока, опрокинув туда оставшуюся с вечеринки полупустую бутылку «Кетель уан», аккуратно припрятанную меж бутылок с оливковым маслом где-то в глубине полок. Что ее не выбросили – просто маленькое чудо. Я осторожно отхлебнул коктейль и вернулся к столу.

Газеты постоянно щекотали мне нервы. В последних исследованиях приводились жуткие статистические данные буквально обо всем. Бесконечные свидетельства, что с нами не все в порядке, которым мрачно поддакивали ученые. Социальные психологи говорили о «непреднамеренном» повреждении механизмов, о «предчувствии худшего», об «ошибочных представле-

ниях» относительно существующих возможностей. Ситуация усугублялась. Уровень насилия неуклонно рос, и никто не мог этому помешать. Народные массы пребывали в замешательстве, но ленились и вяло бездействовали. Неопубликованные исследования намекали, что настал час расплаты. Ученые всматривались в данные и делали выводы, что все мы должны быть чрезвычайно обеспокоены. Никто не знал, что теперь значит «нормальное поведение», и некоторые утверждали, что это такая добродетель. С ними никто не спорил. Никто ни на что не решался. Всех снедали опасения. Повсюду чувствовались вибрации безумия. Данные подтверждались пятидесятилетними исследованиями. Все перечисленные проблемы иллюстрировались диаграммами – кругами, шестиугольниками, квадратами, секторы которых были раскрашены в сиреневый, или белый, или серый. Больше всего настораживали слабо акцентируемые выводы: преобразовать что-либо и придать этому положительный вектор нет никакой возможности. При взгляде на все это невозможно было сдержать страх и восторг. Подобные статьи оставляли ощущение, что выживание рода человеческого по большому счету проблема не такая уж и важная. Мы обречены. Мы это заслужили. Как я устал. (Что беспокоило Джейн помимо предстоящих съемок? Просто дети копировали нашу мимику, которая последний месяц изобиловала недовольными гримасами.)

Без вести пропадало такое количество детей, что это уже смахивало на эпидемию. С тех пор как я переселился сюда в июле, пропало с дюжину мальчиков – только мальчиков. Их фотографии наводнили интернет, на специальных сайтах постоянно обновлялась информация о ходе расследования, их торжественные лица глядели отовсюду, их тени шли по пятам. Я прочитал статью про очередного пропавшего бойскаута – третьего за текущий учебный год. Мальчик тоже был ровесником Робби, и его несмышленное ангельское личико украшало теперь первую полосу газеты. Но ни одного ребенка так и не нашли. Никаких тел в овраге или канализации, ни останков на отмели, ни подозрительных вещмешков, выброшенных на обочину шоссе, ни расчлененных трупов в лесу. Мальчики исчезли бесследно, и не видно было ни единого шанса, что кто-нибудь из них когда-либо отыщется. Следователи продолжали «усиленные поиски». Родителей пропавших ребят убедили выступить по Си-эн-эн и придать своим детям побольше человеческих черт, чтобы смягчить похитителей, если они вдруг смотрят. Помимо возросшего рейтинга канала, эти пресс-конференции не дали никаких результатов, если не принимать в расчет напоминания о «необъяснимой вселенской злокозненности» (цитата из «Тайм»). Предполагалось, что широкая огласка мобилизует добровольцев, но люди уже потеряли надежду – столько было пропавших, что большинство предпочло спрятать голову в песок и ждать, пока за этим кошмаром не придет кошмар попроще. Семьи пропавших мальчиков встречались при свечах, брались за руки, преклоняли, пораженные горем, головы и молились, хотя мне эти собрания больше напоминали спиритические сеансы. Несколько организаций предложили установить мемориальную доску, чтобы увековечить ужасные события. Учеников Бакли (частной школы, куда ходили Сара с Робби) просили посылать соболезнования понесшим тяжелую утрату родителям. Нам вменялось в обязанность разучивать и повторять с детьми один и тот же утомительный молебен: не разговаривай с незнакомыми, не слушай хорошо одетого вкрадчивого джентльмена, который ищет сбежавшего щенка; «Не молчи – кричи!» и «В школу, из школы – по одной дорожке» и «Сторонись клоуна». Основная идея – никому не верь, подозревай всех. Людям повсюду слышался детский плач. В классах для снятия напряжения лепили из пластилина. Нам рекомендовали всегда иметь при себе несколько недавних фотографий наших детей.

И теперь очередной пропавший бойскаут неизбежно спровоцировал вспышку тревоги, какую я испытывал каждое утро перед тем, как Робби и Сара отправлялись в школу, особенно в дни страшного бодуна или если я перебирал с кофе. Этот кошмарный сон наяву длился не более тридцати секунд, но после мне все равно требовалась таблетка клонопина: в школе беспорядки, детский шепот по мобильному: «мне страшно», а фоном как будто хлопают петарды, пуля рикошетом валит второклассника, беспорядочная стрельба в библиотеке, брызги крови

на недописанной проверочной, красные лужи на линолеуме, кишки на парте, раненый учитель вытаскивает оцепеневших детей из столовой, застреленный в спину охранник, девочка шепчет: «Кажется, в меня попало» – и лишается чувств, прибытие машин Си-эн-эн, шериф, запинаясь, выступает на экстренной пресс-конференции, по телевизору мелькают сводки, «озабоченный» репортер докладывает последние новости с места событий, в небе зависают вертолеты, финальные моменты, когда стрелок вставляет себе в рот дуло «магнума», забитый людьми приемный покой больницы скорой помощи, импровизированный морг в спортзале, игровая площадка, затянутая желтыми лентами полицейских ограждений, а в итоге: винтовка 22-го калибра, пропавшая из шкафчика отчима, дневник, рассказывающий об отчужденности и отчаянии мальчика, который плохо переносил издевки, которому нечего было терять, элавил²³, который не помог, или биполярное расстройство, которое не выявили, книга по черной магии, найденная под кроватью, «Х», вырезанное на груди, и попытка самоубийства в прошлом месяце, кисть руки, сломанная о стену, ночи, проведенные в кровати за счетом до тысячи, домашний кролик, которого нашли вечером повешенным на крюке в стенном шкафу, – и наконец, завершающие кадры бесконечного медиамарафона: приспущенный флаг, поминальная служба, сотни букетов, свечек, игрушек на лестнице, ведущей к школе, окровавленная рука жертвы на обложке «Ньюсуик», вопросы, пожимание плечами, гражданские иски, убийцы-подражатели, все то, отчего перестаешь молиться. И все равно самые жуткие слова слышишь из уст собственного ребенка: «Да нормальный он был, пап, такой же, как я».

Я не заметил, как Джейн вошла на кухню, не сказав ни слова хлюпающему носом, завернутому в простыню, согбенному над столом придурку. Она стояла у плиты спиной ко мне и ждала, пока в кастрюле закипит вода (она варила детям овсянку). Я попытался понять ее на уровне языка жестов, но у меня ничего не вышло. Тогда я снова приложился к столу со специальными углублениями для бутылок оливкового масла. Иноходью забрел Виктор. Уставился на меня. «Как ты мне надоел, – думал пес. – Придешь домой, там ты сидишь».

– Интересно, почему этот чрезвычайно невоспитанный золотистый ретривер лаял всю ночь? – спросил я, уставившись на собаку.

– Может, потому, что девятнадцатилетние студенты жарились в нашем гараже, – немедленно ответила Джейн, даже не повернув головы. – А может, потому, что Макинерни купался в нашем бассейне голышом.

– Не похоже это на... Джейстера, – без особой уверенности произнес я.

– А когда ты исчез, пришлось его вытягивать, – продолжала Джейн, – снастями.

– С какими еще Настями? – не сразу сообразил я. – Ах, снастями? – Беспечный вопрос. – У нас же нет сетей, – тревожная пауза, – или есть?

– Я искала тебя, но ты уже вырубился в гостевой. – С деланным безразличием, взятым на вооружение с тех пор, как я переехал к ней.

– Я не «вырубился», Джейн, я ужасно устал, – вздохнул я.

– От чего же, Брет? От чего ты так устал? – спросила она уже напряженно.

Я сделал глоток.

– Пес горланит всю неделю, использует любой способ, чтобы привлечь к себе внимание. И знаешь, милая, это удивительным образом совпало с началом работы над романом, что ужасно меня смущает и наводит на подозрения.

– Да, конечно, Виктор против того, чтоб ты писал книги, – сказала Джейн, выключила плиту и повернулась к раковине. – Тут я целиком и полностью на твоей стороне.

– Ни разу не видел этого пса веселым, – пробурчал я. – С тех пор как я сюда переехал, он в нескончаемой депрессии.

– Ну, когда ты его недавно пнул...

²³ Фирменное название амитриптилина – трициклического антидепрессанта.

– Так ведь он же пачку масла хотел сожрать! – воскликнул я, привставая. – И присматривался к буханке на столе.

– А почему мы говорим о собаке? – рявкнула она, повернувшись наконец ко мне лицом. После сдержанной паузы я глотнул своего сока и прочистил горло.

– Хочешь зачитать мне права? – вздохнул я.

– Чего ради? – резко сказала она, отворачиваясь. – Ты все равно еще в коме.

– Вот и будет что обсудить у психолога.

Она не ответила.

Я решил сменить тему в надежде на более мягкую реакцию.

– А что это за парень пришел вчера Патриком Бэйтменом? – спросил я. – Тот, в костюме Армани, заляпанном бутафорской кровью.

– Откуда мне знать? Твой студент? Один из легиона твоих фанатов? Тебе-то что?

– Забудь.

Я заглох и минуту-другую думал о своем.

– А ты выяснила, что произошло в комнате Сары? – спросил я мягким голосом. – Потому что, Джейн, я подумал, может, это она сама натворила? – Я помолчал для большей выразительности. – Она говорит, что виновата игрушечная птица – эта штуковина Терби, которую я купил еще летом, и, знаешь, это вызывает определенное беспокойство. Кроме того, где была Марта, когда случилось так называемое нападение? Мне кажется, это...

Джейн волчком развернулась:

– А почему ты закрываешь глаза на то, что это мог сделать кто-то из твоих бухих обуревающих студентов?

– У моих студентов вчера были занятия поинтереснее, чем рыться в комнате нашей до...

– Ну да, трахаться в душе, например, – я их знать не знаю, – или нюхать кокс с кухонной стойки. – Она, не отрываясь, смотрела на меня, руки по швам.

Затянувшуюся паузу я подкрепил возмущенным:

– Кто-то добрался вчера до кухни?!?

– Да, кто-то употреблял на нашей кухне наркотики, Брет. – Эту реплику она произнесла своим фирменным озабоченным тоном.

– Дорогая, может, кто-то и употреблял наркотики, однако я не сомневаюсь, что делалось это тихо-спокойно, с соблюдением правил приличия. – Я беспомощно запнулся.

– И ты тоже употреблял, я знаю.

Она поперхнулась, сарказм испарился; она снова отвернулась от меня и опустила голову. Я заметил, что рука ее сжалась в кулак, и услышал прерывистое дыхание, которое предшествует слезам.

– Ты хотела сказать, что я раньше употреблял, – мягко произнес я. – Все это в прошлом, ты же знаешь. – Пауза. – Я же на ногах!

– Ну да, – пробурчала она, – еле держишься.

– Да смотри же, я сижу, потягиваю сок, просматриваю газеты.

Она вдруг взяла себя в руки.

– Ладно, забудь. Довольно.

– А зачем это ты звонишь жене Джея и спрашиваешь...

– Мне бы не пришлось звонить Хелен, если б ты не взялся за старое, – почти крикнула она, и в голосе ее слышалось страдание. Она остановилась и несколько раз глубоко вздохнула, чтобы успокоиться. – Я не могу сейчас об этом говорить. Давай не будем.

– Резонно, – промямлил я и снова уткнулся в газеты.

Я попытался сделать большой глоток, но сок перелился через край; я сдался и поспешил трясущейся рукой поставить стакан обратно на стол.

Выведенная из себя моим будничным тоном, Джейн снова резко повернулась ко мне.

– Это противозаконно, Брет. И от того, что делалось это в нашем доме...

– Это частный дом! – заголосил я.

– ...Легальным это не становится.

– Ну, технически это нелегально, но...

Она ждала, что я закончу предложение, но я предпочел этого не делать.

– Джейн, я вчера не употреблял никаких наркотиков.

– Ложь! – сорвалась она. – Ты врешь мне, и я не знаю, что с этим делать.

Призраку стоило огромных усилий подняться и притрусить к Джейн. Призрак обнял ее, повис на ней, и она не отстранилась. Ее трясло, между всхлипываниями трепетали неровные вздохи.

– Может, просто будешь мне верить... и... – Я повернул ее к себе лицом и умоляюще посмотрел на нее грустным и томящимся взглядом. – Просто любить меня?

В кухне снова повисла тишина. Джейн бросилась в мои объятия и сжала так, что мне едва хватало воздуха. Я бросил взгляд на пса. Виктор пялился на меня. «Как ты мне осточертел, – думал он, – ничтожество». Я смотрел на него, а он, потеряв интерес, лизнул лапу и отвернулся. Ему было противно смотреть на меня, и он знал, что я это знаю. И его это радовало. Это-то меня и бесило: пес знает, что я знаю, что он меня ненавидит, и получает от этого удовольствие. Когда я снова взглянул на Джейн, она смотрела на меня с такой надеждой, что выражение ее лица граничило с безумием. Мне захотелось отстраниться.

Но тут Джейн мягко оттолкнула меня и сказала бесхитростно:

– В воскресенье мы идем к Алленам на ужин. Никак было не отвертеться.

– Звучит... – я глотнул воздуха, – многообещающе.

Когда она ушла за Робби, в моем желудке произошло извержение, и, оставив коктейль на столе, я поспешно рванул к ближайшему туалету и едва успел сесть на унитаз, как хлынул стремительный поток диареи. Тяжело дыша, я дотянулся до последнего номера «Обоев» и пролистнул его, пока опорожнялся мой желудок. Я устался на ванну в полу, а потом в окошко на просыпающуюся Эльсинор-лейн и увидел, как по дорожке, все еще усеянной тыквами, от нашего дома к соседнему идет мальчик, понял, что это Эштон Аллен, и в какой-то момент он прошел так близко от окна, что я смог разглядеть даже надпись на его футболке: «СМОТРИ В ОБА, МОГУ И ФОКУС ОТМОЧИТЬ», – а потом на подоконник сел воробей, и я отвернулся. Вскоре всю ванную обволок характерный для последствий пьяной ночи аромат – экскременты и алкоголь, замешанные в такую гнусную вонь, что покинул уборную я почти так же поспешно, как прибыл.

Когда я приковылял на кухню, Джейн разливала кипяток по керамическим плошкам, а Робби подошел к столу, отхлебнул из моего стакана и, скорчив рожу, сказал:

– Мам, этот сок какой-то странный. А «Тропиканы» не осталось?

– Робби, сынок, я не хочу, чтоб ты пил «Тропикану», – отвечала Джейн. – Марта сделала тебе свежий сок. Там, возле раковины.

– Так и этот свежавыжатый, – промямлил он.

Я так и стоял в дверях, пока Робби не оставил мой стакан и не направился к соковыжималке. (Несвежавыжатый сок был под строгим запретом, поскольку портил зубы и способствовал появлению лишнего веса.) Когда я подходил к столу, Робби, обернувшись, увидел меня и бросил едва различимый оценивающий взгляд, после чего как ни в чем не бывало пошел дальше собирать свой рюкзак. Робби как будто до сих пор не привык к моему присутствию, впрочем, мне с ним тоже сложно было ужиться. Мы опасались друг друга, оба были начеку, и хотя наладить связь, сблизить нас должен был именно я, его нежелание – громкое и навязчивое, как гимн, – практически невозможно было преодолеть. Переиграть его тоже казалось задачей неосуществимой. Я окончательно потерял его – его глаза, направленные в пол всякий раз, когда я входил в комнату, напоминали мне об этом печальном факте. Тем не менее меня

до сих пор возмущало то обстоятельство, что у него – не у меня – не хватило мужества сделать первый шаг.

– Здорово, приятель, – бросил я, присаживаясь за стол и допивая «отвертку», которая прошла с трудом, и я зажмурился, пока алкогольное тепло не заструилось в организме и веки мои не распахнулись самопроизвольно.

Робби что-то пробурчал в ответ. Этого было достаточно. Уроки начинались в 8.15 и заканчивались в 3.15, а различные внеклассные занятия часто оттягивали возвращение детей до 5.15, так что обычно у меня бывало до девяти часов спокойствия. Но тут я вспомнил, что вечером будет детский праздник и что к полудню мне нужно быть в колледже (день консультаций, но по большей части – предлог для встречи с Эйми Лайт), после чего у меня назначен визит к аналитику, доктору Ким, и по ходу этих суровых испытаний желудку предстояло переварить много ксанакса, а мне – улучшить момент и прикорнуть. Вошла экономка и что-то сказала Джейн по-испански. Та ответила, завязался разговор, из которого я не понял ничего. Потом Роза активно закивала и вышла из кухни.

По случаю Хеллоуина в школу можно было идти без формы, и Робби оделся в футболку с надписью: «НЕ ПЕРЕЖИВАЙ? КТО? Я?» – и рабочие штаны на несколько размеров больше – все его вещи были сильно на вырост, мешковатые, с заметными ярлыками. Пара роликовых коньков висела через плечо, и он рассказывал Джейн, как скачал что-то с сайта «Баффи – истребительницы вампиров», и все пытался засунуть футбольный мяч в новый рюкзак «Таргус» – каркасный, с клапаном вперехлест, «допустимая» нагрузка двадцать пять фунтов («Найк био-кей-эн-экс» вызывал боли в позвоночнике, сообщил Роббин терапевт). В руках он держал журнал «Гейм-про», чтобы почитать по дороге в школу, он слегка нервничал из-за предстоящего устного опроса по теме «Образование водопадов». Пока я листал газеты, Робби пожаловался, что ночью, уже после вечеринки, ему слышались какие-то звуки. Но откуда они доносились, он точно сказать не мог, то ли с чердака, то ли с крыши, но больше всего – от стен дома. Кроме того, кто-то скребся в его дверь, а проснувшись утром, он заметил, что вся мебель в его комнате переставлена, вдобавок на двери у порога обнаружились три-четыре глубокие царапины (которых он, конечно же, не делал), а когда он взялся за дверную ручку, она была влажная. «Ее кто-то как будто обслюнявил», – закончил он, и его передернуло.

Я оторвался от газеты и увидел пылающий взгляд Джейн, уставленный на меня.

– Что-что, сынок? – спросила она. – Повтори, пожалуйста.

Но подробный расспрос вызвал у Робби обычную реакцию: он сник и замолчал.

Я оживился и попытался придумать вопрос, ответить на который Робби смог бы не раздумывая, но тут на кухню пришли Сара с Мартой. На Саре была футболка в рюшах, украшенная серебряным напылением в виде дамского белья. К ней подскочил Виктор и стал извиваться от счастья, после чего метнулся к стеклянной стене и, пристально уставившись на двор, бешено залаял. Голова моя раскололась надвое.

– Сидеть, Виктор! Фу. Фу! – рявкнул я. – Оспади, да успокоит кто-нибудь эту собаку?

И я вернулся к прессе, но Сара уже нависла надо мной со списком подарков на Рождество, который она приготовила загодя, где за стадионом для покемонов шла целая компьютеризированная колонна. Я напомнил ей, что еще только октябрь (это не считалось), и мы прошлись по списку, пока я не взглянул на Джейн, ища поддержки, но она говорила по мобильному и упаковывала ланчи для школы (хлебцы из муки грубого помола без сахара, диетический «снэппл»), бросая реплики типа: «Нет – у детей все расписано по минутам».

Сара объясняла мне, что для нее значит каждый из пунктов, пока я не перебил ее ненароком.

– А как там Терби, малыш? – спросил я.

(Неужели я и вправду так его испугался? Сейчас, в утреннем свете, все было совсем по-другому: чисто, светло, без перекосов.)

– В порядке, – только и ответила Сара.

Забыв, однако, про рождественский список, она переключилась на рисунки, которые сделала для «угадайки», и стала аккуратно складывать их в большой коричневый конверт. Робби, уставившись в карманный компьютер, расхаживал по кухне, всем видом скандируя: «Я крутой».

Вдруг среди школьных принадлежностей я заметил том «Повелителя мух» и взял его со стола. Открыв обложку, я с ужасом обнаружил имя Сары, от руки написанное на титульном листе.

– Секундочку, неужели они дают читать это первоклашкам? – спросил я.

На меня обернулись все, кроме Сары.

– Да я до сих пор эту книгу не понял. Боже мой, почему б им не задать ей «Моби Дик»? Это абсурд. Безумие! – Я махал книжкой перед лицом Джейн и вдруг заметил смущенную мордашку Сары. Я наклонился к ней и сказал спокойным, умиротворяющим, благоразумным тоном: – Малыш, тебе вовсе не обязательно это читать.

Сара испуганно глянула на мать.

– Но она в списке по внеклассному чтению, – тихонько сказала она.

Рассерженный, я попросил Робби показать мне свой учебный план.

– Что показать? – переспросил он, застыв напряженно на месте.

– Расписание, балда.

Робби аккуратно пошуровал в рюкзаке и вытащил помятую распечатку: история искусств, алгебра, естествознание, основы теории вероятности, физкультура, статистика, документальная литература, социология и разговорный испанский. Я тупо уставился в список. Робби уже сел за стол, и я вернул ему листок.

– Психдом, – пробурчал я. – Это возмутительно. Куда мы отправляем детей?

Робби внезапно сосредоточил внимание на миске с мюслями, отодвинув овсянку, которую Марта поставила перед ним, и потянулся за пакетом соевого молока. Джейн все время забывала, что Робби не любит овсянку, но я запомнил сразу, ведь я сам терпеть ее не могу.

– Да нормально, – пожал плечами он.

– Завуч сказала, что работа над поступлением в элитарный вуз начинается с первого класса, – вскользь заметила Джейн, не желая тревожить детей, которые, по-моему, все равно не слушали.

– А на самом деле – еще раньше, – напомнила ей Марта.

– Она те пыль в глаза пскает, не вписвайся, сиса, – выдохнул я.

Робби неожиданно хихикнул, к моему большому удовольствию.

Джейн нахмурилась.

– Только не надо этого псевдорэпа, особенно при детях. Мне это не нравится.

– А мне не нравится твой завуч, – ответил я. – И знаешь почему? Она подбрасывает хворост на костер твоего беспокойства, детка.

– Давай не будем сейчас об этом. – Джейн мыла руки в раковине, мышцы шеи были напряжены. – Ну что, дети, готовы?

Потрясение, которое я испытал, изучив расписание Робби, еще не прошло, и мне хотелось сказать ему что-то в утешение, но он уже доел мюсли и теперь собирал рюкзак. Он уставился на компьютерную игру «Quake III», как будто не зная, что с ней делать, после чего вытащил из кармана мобильный телефон проверить уровень зарядки.

– А что это ты, старина, в школу мобильный берешь?

Он нервно посмотрел на Джейн, которая теперь вытирала руки бумажным полотенцем.

– Все ребята с мобильными ходят, – просто сказала она.

– Когда ребенок в одиннадцать лет ходит с мобильным телефоном – это ненормально, – сказал я уместно, как мне казалось, возмущенным тоном.

- У тебя. Простыня. Вместо. Штанов, – таков был ответ Джейн.
- Робби совсем растерялся.
- В итоге Сара, слава богу, прервала молчание.
- Мам, а я зубы почистила, – выдала она.
- А разве зубы чистят не после еды, солнце? – спросила Джейн, указывая Марте на какую-то запись в расписании ее поездки в Торонто на следующей неделе. – Зубы надо чистить после завтрака.
- Я почистила зубы, – снова сказала Сара и, не получив на этот раз никакого ответа от Джейн, повернулась ко мне. – Брет, я знаю алфавит.
- Да уж пора бы, – подхватил я, подумав, почему это девчушка, гордая тем, что выучила алфавит, должна читать «Повелителя мух».
- Я знаю алфавит, – гордо повторила она. – А, Б, В, Г, Д, Е, Ё...
- Малыш, у Брета болит голова. Я верю тебе на слово.
- ...Ж, З, И, Й, К, Л, М, Н...
- А ты знаешь, какая буква за какой звук отвечает? Молодчина, просто замечательно. Джейн!
- ...О, П, Р, С, Т, У, Ф, Х...
- Джейн, дай ей, что ли, пончик без сахара. – Я коснулся головы, что означало «приближается мигрень». – Правда.
- И я знаю, что такое ромб! – весело прокричала Сара.
- Потрясающе.
- И шестиугольник!
- Отлично, но пожалей ты меня, жевунишка.
- И трапеция!
- Малыш, папа не в духе, папа не выспался, папу тошнит, так что давай, пожалуйста, потише.
- Она мгновенно повернулась к Джейн.
- Мама, а я веду дневник, – объявила она, – и Терби мне помогает.
- Может, он и Брету поможет книжку писать, – съязвила Джейн, не отрываясь от записей, которые они с Мартой просматривали.
- Детка, мой роман разыгрывается здесь и сейчас, даже верится с трудом, – пробубнил я, пролистывая спортивный раздел «Ю-Эс-Эй тудэй».
- Но Терби грустный, – надула губки Сара.
- Почему? Мне казалось, у него все в порядке, – сказал я с деланным равнодушием. – Он что, встал не с той ноги?
- Он говорит, что ты его не любишь, – сказала Сара, изгибаясь на стуле. – Говорит, ты никогда с ним не играешь.
- Врет он все. Я постоянно с ним играю. Когда вы в школе. Во вторник он меня даже в нарды обыграл. Не верь ты этому Терби...
- Брет, – рявкнула Джейн, – хватит!
- Мама, а что, папа простудился? – спросила Сара.
- Кисуля, у папы помутнение, – сказала Джейн, ставя перед ней миску с овсянкой и малиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.